



ДЕСНАМ

АНЭМ

ASEM NEWSLETTER

Оглавление

Новогодние поздравления от редакции _____ 4

ОТЧЕТЫ О ПРОШЕДШИХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Кузьмишин Е. Л. Круглый стол «Российское масонство: сторонники и противники» _____ 7

Можайская К. А. X Осенняя школа АИЭМ «Эзотеризм в зеркале академической науки» _____ 9

Караск А. Ю. XXVII Межвузовская научная конференция «Бог. Человек. Мир» _____ 11

Ленков П. Д. Круглый стол «Мистико-эзотерические аспекты даосизма» _____ 14

ИНТЕРВЬЮ

Черная Н. В. «Мы не можем себе позволить отступления от научных принципов»: Интервью с Игорем Цыкуновым _____ 17

Черная Н. В. Научный путь и перспективы изучения западного эзотеризма в России: Интервью с Кирой Можайской _____ 24

РЕЦЕНЗИИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Фиалко М. М. Несколько слов о книге Питера Маршалла: «Магический круг Рудольфа II: Алхимия и астрология в Праге эпохи Возрождения» _____ 27

Иванов Г. Д. Рецензия на книгу Мэтью Леви Стивенса «Магическая вселенная Уильяма С. Берроуза» _____ 30

ТРУДЫ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ЧЛЕНОВ АИЭМ

Фиалко М. М. Тайна «Большой колесницы» и другие «крепкие орешки» «Шицзина» _____ 32

ВПЕЧАТЛЕНИЯ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Райт Д. В поисках просветления: изнанка монастырской жизни _____ 41

ДЕВЯТЬ МУЗ. ТВОРЧЕСТВО ЧЛЕНОВ АИЭМ

СТИХИ

Фиалко М. М. Перевод фрагмента из касыды арабского поэта-суфия Ибн аль-Фарида _____ 47

Ярослав Голубев _____ 49

Анастасия Новикова _____ 52

Сергей Кукса _____ 53

Наталья Черная _____ 54

Геннадий Ефименко _____ 56

ПРОЗА

Геннадий Ефименко. Сага о Большой Засаде_____61

Светлана Веселова. Роман на полях фрактальной логики (продолжение)_____62

ЖИВОПИСЬ

Наталья Булгакова. Петербургский текст в живописи Сергея Опульса_____71



Новогодние поздравления от редакции

Пахомов С. В.



Дорогие друзья!

Наша Ассоциация уже в 17-й раз встретит новогодний праздник. Немало событий было у нас в уходящем 2025 году: мы провели различные интересные мероприятия, случались у нас и некоторые проблемные ситуации. Однако, несмотря на все внешние и внутренние сложности, наш научный корабль по-прежнему уверенно плывет в море академических исследований эзотеризма и мистицизма, продолжая наращивать и реализовывать свой эзотериологический потенциал.

В новом году мы продолжим генерировать интересные события, которые, надеемся, будем устраивать с вашим участием.

От всего сердца желаю читателям «Вестника», всем членам АИЭМ крепкого здоровья, креативных решений, сочетания проверенных временем традиций и методов с дерзновенными инновациями в разных сферах жизни. Приятных сюрпризов, душевной гармонии, духовного взлета.

Да будет благо!

**Ваш
Сергей Пахомов**



Новогодние поздравления от редакции

Новикова А. А.



Дорогие наши читатели, коллеги, поздравляю всех вас с наступающим 2026 годом!

От всей души хочу поблагодарить каждого за вклад в создание нашего журнала, за ваш труд и профессионализм, которые делают его с каждым выпуском все интереснее. В уходящем году мы сделали очень многое. Спасибо вам за подготовку статей, очерков, отчетов для «Вестника АИЭМ», за ваше творчество.

Хочу пожелать вам мира - внутри и вокруг, крепкого здоровья и материального благополучия, творческой реализации. Пусть вам всегда сопутствует вдохновение и энергия, терпение и упорство для осуществления всех планов, идей и проектов.

Пусть новый год будет наполнен новыми открытиями, интересными дискуссиями и плодотворным сотрудничеством. Пусть он принесет вам яркие идеи, смелые начинания, актуальные исследования и востребованные результаты!

**С наилучшими пожеланиями,
редактор «Вестника АИЭМ»,
Анастасия Новикова.**



Новогодние поздравления от редакции

Черная Н. В.



Уважаемые члены АИЭМ, наши благородные авторы и преданные читатели!

От всей души хочу поблагодарить вас за то, что делаете наш журнал живым, интересным и по-настоящему ценным!

Авторам - огромная признательность за ваш творческий труд! Каждая ваша работа - это маленький мир, который вы открываете для читателей!

Читателям - теплые слова благодарности за ваше внимание, заинтересованность и обратную связь. Именно вы придаете смысл нашему общему делу: ведь знание живет в диалоге с тем, кто его воспринимает!

Пусть впереди у нас будет еще больше интересных интервью, восхитительных стихотворений, рассказов и картин! Желаю вам творческих успехов, неиссякаемой энергии и радости от каждого прочитанного или написанного слова!

2026 год по китайскому календарю - год лошади, а лошадь - символ благородства, силы и верности своему пути. Пусть эти качества сопровождают вас в творческих экспериментах и научных изысканиях!

Авторам желаю резвого вдохновения, стойкости в работе над текстами, смелости пробовать новые жанры и стили!

Читателям хочу пожелать, чтобы чтение «Вестника АИЭМ» стало для вас таким же захватывающим, как конная прогулка, а каждая прочитанная строка приносила радость!

Желаю вам крепкого здоровья, семейного тепла и неиссякаемой любви к слову. Пусть год Лошади подарит вам стремительные успехи, надежных единомышленников и яркие впечатления от каждого нового дня!



**С наилучшими пожеланиями, Наталья Чёрная,
редактор «Вестника АИЭМ»**

ОТЧЕТЫ О ПРОШЕДШИХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Круглый стол «Российское масонство: сторонники и противники»

Кузьмишин Е. Л.*

27 сентября 2025 г. под эгидой АИЭМ прошел круглый стол «Российское масонство: сторонники и противники», в то же время проводившийся в ходе работы над исследованием по гранту «Российское масонство как религиозно-культурный феномен: историческая реальность между мифом и научным исследованием» в РХГА. Это мероприятие стало вторым круглым столом по теме масонства, проводимым Ассоциацией (первый проводился в сентябре 2023 г.). Круглый стол прошел на виртуальной платформе в режиме видеоконференции и объединил исследователей феномена масонства из разных городов. Вступительным словом «Российское масонство: четвертое пришествие» его открыл Е.Л. Кузьмишин, к.и.н., преподаватель РХГА и РГГУ из Москвы, который выделил такие черты феномена масонства, как гетеродоксальность, синкретизм и отсутствие каких бы то ни было общих теоретических доктрин или практических подходов. Также Е.Л. Кузьмишин остановился на четырех периодах существования масонства в России, дав краткое описание исторического контекста каждого из них.



Евгений
Леонидович
Кузьмишин

Далее выступил Ю.Е. Кондаков, д.и.н., профессор РГПУ из Санкт-Петербурга с докладом «Российское масонство XVIII-XIX вв. в освещении его противников». В докладе на обширном материале архивных исследований были продемонстрированы идеологические позиции и аргументы противников масонства в первые два исторические периода его деятельности в России, а также основные тенденции негативного освещения деятельности и идеологии масонства разными общественными и политическими группами в зависимости от различных их образующих и на них влияющих факторов. Затем С.В. Пахомов, к.ф.н, доцент РГПУ и РХГА из Санкт-Петербурга, зачитал свой доклад «Образы масонства в православной медиасфере современной России». В докладе С.В. Пахомов выделил основные имагологические паттерны освещения темы масонства и этого культурного феномена в целом

Юрий Евгениевич Кондаков



Юрий
Евгениевич
Кондаков

Сергей Владимирович Пахомов



Сергей
Владимирович
Пахомов

* Кандидат филологических и исторических наук. Преподаватель РХГА им. Ф. М. Достоевского и РГГУ. Специалист в области изучения масонства. Член Совета АИЭМ, г. Москва.

применительно к выделенным им трем основным стилистико-идеологическим ветвям современной православной прессы: «либеральной», «центристской» и «радикальной». В докладе сделана основанная на анализе большого количества печатных и сетевых материалов



*Роман
Владимирович
Нутрихин*

попытка выделить основные образы и концепции в семантическом поле «масонство» в данных видах медиа-продукции. После небольшого перерыва круглый стол продолжился докладом Р.В. Нутрихина, к.ю.н., доцента СКФУ из Ставрополя, «Масоны и истоков крымской археологии». В нем отмечалась важная роль таких деятелей российских политики и культуры XIX в., как Д.И. Гагарин, П.А. Дюбрюкс и А.Ф. Ланжерон, в становлении российской археологии на территории Крыма. Особое внимание докладчик уделил сопоставлению популярной конспирологической легенды об особом интересе масонов к поиску древних мифологических артефактов с реальными достижениями крымских археологов



*Михаил
Александрович
Гааз*

прошлых эпох, чья связь с масонским братством была очевидной и документально подтвержденной. Вслед за этим докладом было заслушано сообщение М.А. Гааза, аспиранта РХГА из Москвы, «Масонский ритуал священнического помазания как теургическая церемония». На многочисленных примерах, почерпнутых из архивных розысканий в ритуальной практике нескольких масонских орденов, в ходе сопоставления с церковной католической, православной

и протестантской обрядностью, докладчик выделил ряд необходимых условий, которые позволяли бы относить к теургическим практикам обряды, использовавшиеся масонами XVIII-XIX в. в России: в ритуальной системе П.И. Мелиссино, неотамплиерских системах Строгого послушания и Шведской, в английских «священнических» высших степенях. Завершил круглый стол доклад аспирантки РХГА из Санкт-Петербурга К.А. Можайской «Роль уставов Мемфиса-Мицраима в формировании Ордена восточных тамплиеров».

В докладе были прослежены элементы формальной и сущностной преемственности между уставами «египетского» масонства, созданными в начале XIX в., и магиико-религиозной организацией Алистера Кроули, известной, в частности, под названием «Ордена восточных тамплиеров». В докладе рассматривалась история «египетских» уставов масонства, ключевой этап их преобразования из сугубо масонских в общеэзотерические в структурах Т. Ройсса и А. Кроули, а также возможные идеологические и доктринальные заимствования, воспринятые Орденом восточных тамплиеров наряду с «передачей» ему формального права считать себя преемником традиции масонских «египетских» уставов. Все прозвучавшие на круглом столе доклады вызвали оживленное обсуждение и были встречены участниками и слушателями с интересом и вниманием. Подводя итоги круглого стола, его организаторы подчеркнули, что проведение круглых столов по теме масонства представляется актуальным в силу неисчерпаемости данной сферы исследований и многообразия направлений, в которых эти исследования могут проводиться в будущем.



*Кира
Александровна
Можайская*

Х Осенняя школа АИЭМ «Эзотеризм в зеркале академической науки»

Можайская К. А.*

С 21 по 25 октября 2025 года в дистанционном формате прошла юбилейная Х Осенняя школа, организованная Ассоциацией исследователей эзотеризма и мистицизма (АИЭМ), на тему «Эзотеризм в зеркале академической науки».

Ассоциация исследователей эзотеризма и мистицизма продолжила свою сложившуюся традицию создания площадки для диалога между состоявшимися академическими исследователями, молодыми учеными и широким кругом интересантов, желающих применить строгие научные методы к такому сложному и многогранному предмету изучения, как эзотерические традиции. Школа ставила своей целью как информирование, так и вовлечение слушателей в исследовательский процесс, предоставление им инструментария для критического анализа феноменов, долгое время остававшихся на периферии гуманитарного знания.

Программа школы была выстроена с тщательным балансом между теоретическими лекциями, семинарскими дискуссиями и проектным подходом. Каждый день был посвящен интенсивной работе в рамках одного из пяти мини-курсов, которые вместе составили панорамный обзор современных исследований в области эзотериологии. Ключевым принципом, объединявшим все курсы, стал последовательный критический подход: речь шла не о трансляции эзотерических доктрин, а об анализе их генезиса, социально-культурных функций, механизмов репрезентации и адаптации в различные исторические эпохи.

Особенность формата выразилась в его интерактивности. Лекции, насыщенные

методологическими рефлексиями, перерастали в живые дискуссии, где участники – от студентов до состоявшихся ученых – могли напрямую обсудить с лекторами тонкости анализа источников. Под руководством ведущих лекторов слушатели имели возможность подготовить квалификационные работы (эссе), прикладной, научно-ориентированный характер мероприятия.

В программу школы вошло пять мини-курсов, состоящих из лекций и семинаров.

1) «Друидизм в истории и современной духовности» (лектор: к.и.н. Д. Д. Гальцин). Курс стал примером исторической деконструкции сложного культурного образа. Кандидат исторических наук, историк эзотеризма Дмитрий Гальцин провел слушателей от скудных античных свидетельств о кельтских жрецах через романтические мифологемы Ренессанса и Просвещения к современному реконструктивному и неоязыческому практикам. Было наглядно показано, как исторический феномен, исчезнув в реальном историческом процессе, породил, тем не менее мощный



Дмитрий
Дмитриевич
Гальцин



Евгений
Александрович
Фарафонов

* Религиовед, преподаватель РХГА им. М.Ф.Достоевского, выпускница магистерской программы «Исследование мистико-эзотерических учений», аспирант РХГА им. Ф.М.Достоевского, г. Санкт-Петербург.

«литературный» и «инициатический» миф, продолжающий активно функционировать в культурном поле.

2) «К методологии и практике изучения “духовных миров” в современной эзотериологии» (лектор: Е.А. Фарафонов). Евгений Фарафонов представил слушателям детально разработанный



Кира Александровна
Можайская

инструментарий современного религиоведа, включая подход У. Пэйдена, нарративную психологию Дж. Брунера и акторно-сетевую теорию Б. Латура. Фокус его лекций был направлен на анализ того, как конструируются эзотерически нарративы и поддерживаются «миры» (worldviews) как отдельных практиков, так и целых сообществ.



Игорь Викторович
Цыкунов

3) «Европейские инициатические организации рубежа XIX-XX вв.: история, идеи, критика» (лектор: К.А. Можайская). На примере «Ордена Золотой Зари», О.Т.О. и системы телемы выпускница магистерской программы «Исследования мистико-эзотерических учений» Кира Можайская продемонстрировала



Каринэ Александровна
Диланян

применение принципов беспристрастного историко-критического анализа к материалу, часто вызывающему полярные оценки. Курс избегал апологетики, сосредоточившись на интеллектуаль-

ном контексте fin de siècle, механизмах заимствования и синтеза традиций, а также на проблеме рецепции этих идей в современной культуре.

4) «История темных медиа: коммуникация с потусторонним от шаманизма до искусственного интеллекта» (лектор: И.В. Цыкунов). Самый междисциплинарный курс предложил масштабную медиа-археологическую перспективу. Игорь Цыкунов рассмотрел эволюцию функционирующих в культуре «каналов связи» с «Иным» – от оракулов и спиритических сеансов до современных цифровых чат-ботов, позиционируемых как медиумы. Центральный тезис курса заключался в предположении о неизменной антропологической потребности в подобной коммуникации, как бы ни менялся технологический инструментарий.

5) «Астрология без гороскопов: от Великого года Платона до индекса Барбо» (лектор: К.А. Диланян). Каринэ Диланян вывела обсуждение за рамки популярной натальной астрологии, обратившись к ее исторически доминирующей форме – мунданной (мировой) астрологии. Курс раскрыл глубинные связи между космологическими моделями, политическими проектами (от Платона до Кампанеллы) и историософскими построениями, представив астрологию как значимый культурно-интеллектуальный феномен, влиявший на принятие государственных решений.

Представляется, что цели осенней школы были достигнуты. В ней продуктивно совместились взгляды и работы состоявшихся ученых и молодых исследователей, свободные от мифологизации, конспирологических штампов и моральной паники.

X Осенняя школа подтвердила статус АИЭМ как одной из важнейших регулярных научно-образовательных инициатив в области изучения эзотеризма в русскоязычном пространстве, что отразилось в следующих особенностях:

1) привлечение специалистов, сочетающих глубокую теоретическую подготовку с работой в академических инсти-

туциях;

2) установка на научную рефлексию, а не на доктринальную передачу знания;

3) рассмотрение эзотерических традиций как живых компонентов культуры, взаимодействующих с политикой, наукой, искусством и технологиями;

4) консолидация молодых и опытных исследователей, задающая стандарты и язык для будущих работ.

Полученные участниками навыки критического анализа сложных культурных текстов и феноменов вносят вклад в развитие современных гуманитарных наук в целом. Проведение школы в онлайн-формате обеспечило широкий географический охват, способствуя институционализации эзотериологии как серьезной академической дисциплины.

XXVII Межвузовская научная конференция «Бог. Человек. Мир» Отчет о работе секции «Научные исследования эзотеризма и мистицизма»

*Караск А. Ю.**

Секция «Научные исследования эзотеризма и мистицизма» прошла 6–7 декабря 2025 г. в рамках XXVII Межвузовской научной конференции «Бог. Человек. Мир». Организаторами секции выступили Русская христианская гуманитарная академия и Ассоциация исследователей эзотеризма и мистицизма (АИЭМ). Руководителем секции являлся кандидат философских наук, председатель АИЭМ Сергей Владимирович Пахомов (Санкт-Петербург). Заседания проходили в онлайн-формате (ZOOM), что обеспечило участие слушателей и докладчиков из разных регионов России и зарубежья.

Всего было заявлено 23 доклада, из них прозвучал 21. На участие в качестве слушателей зарегистрировались 82 человека. Среди докладчиков — 13 членов АИЭМ, а также 12 магистрантов программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА, представляющих все три курса магистратуры, включая ее выпускников. Это подчеркивает значимую роль РХГА как институции, формирующей новое по-

коление исследователей эзотеризма и мистики.

Ход заседания секции

Работа секции открылась выступлением Дмитрия Дмитриевича Гальцина, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург). Доклад был посвящен трактату Эрика Стейнхарта по современной языческой философии. Подробно были рассмотрены основные категории его системы — «бытийность», «эйдолон», «естественность» — а также основные направления развития неоязыческой протологии, метафизики и теологии. Отмечено стремление Стейнхарта соединить аналитическую философию с современными формами западного неоязычества, предложив тем самым новый формат философского осмысления магии, дивинации и теургии.

Далее выступил Илья Владимирович Холлов, магистр антропологии и этнологии,

* Магистрант РХГА им. Ф. М. Достоевского. по специальности «Исследования мистико-эзотерических учений», секретарь АИЭМ, г. Москва.

преподаватель философского колледжа РХГА им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург). Доклад был основан на этнографическом исследовании приходской практики православного экзорцизма. Были выявлены три стратегии обращения религиозного практика к научному дискурсу — риторическая, методологическая и академическая — применяемые для легитимации представлений об одержимости. Особое внимание уделено конкурирующим моделям субъектности и агентности, задействованным в современных православных антимагических нарративах.

Следующим последовал доклад Михаила Стилианоса Капатоса, докторанта кафедры русской филологии и славистики Философского института Афинского национального университета имени Каподистрии (Афины). Докладчик представил философско-теологический анализ мистического романа «Родопский параклис» Анатолия Анчева и связанного с ним учения «Человек и мир». Рассматривая произведение как попытку синтеза духовной эволюции, религиозной философии и эзотерической антропологии, доклад выявил как новизну подхода Анчева, так и его актуальность для современного восточно-европейского эзотеризма.

Затем выступил Игорь Викторович Цыкунов, магистр религиоведения, директор Культурного центра АТР Президентской академии (РАНХиГС, Москва). Доклад был посвящен взаимосвязи классического психоанализа и парапсихологических интерпретаций. На основе трудов Фрейда, Юнга, Нойманна, Райха и Фодора докладчик показал существование устойчивой линии «неканонического психоанализа», стремившегося осмыслить чудесное и сакральное как проявления бессознательного, а иногда — как его материальные эффекты.

После этого слово взяла Ирина Альбертовна Хузиахметова, магистр религиоведения, аспирант Казанского федерального университета (Санкт-Петербург). В ее докладе рассматривалось происхождение гносиса, особенности гностической космологии и антропологии, учение о трех типах людей, а также представления

гностиков о спасении через познание. Особое внимание уделено роли гностического знания как пути возвращения к первоначальной гармонии и божественной полноте.

Далее выступила Ольга Олеговна Васильева, аспирант РХГА (Москва). Доклад был посвящен концепции Мировой Души от античности до ее современных эзотерических интерпретаций. Докладчик проследила путь трансформации понятия *Anima Mundi* в платонизме и неоплатонизме, показав, как в современном эзотерическом дискурсе оно переходит от статуса метафизической категории к переживаемому опыту со-участия в космическом принципе.

Следующим выступил Константин Александрович Шалыгин, магистр религиоведения (Санкт-Петербург). Его доклад содержал критическую ревизию истории находки библиотеки Наг-Хаммади. Были выявлены методологические проблемы, связанные с опорой современной науки на нестабильный и мифологизированный нарратив Джеймса Робинсона. Доклад подчеркнул значимость критического пересмотра источников, особенно в условиях недостатка альтернативных свидетельств.

Далее последовал доклад Елены Олеговны Федорук, кандидата юридических наук, магистранта программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА (Санкт-Петербург). В выступлении был представлен анализ юридического символизма, отраженного в образах богинь правосудия — Фемиды, Юстиции, Астреи, Немезиды и др. Доклад выявил значительную вариативность современных архитектурных и художественных интерпретаций данных образов и обозначил необходимость корректного разграничения их функций и атрибутов.

Затем выступил Михаил Александрович Гааз, аспирант РХГА им. Ф. М. Достоевского (Москва). Его доклад был посвящен Авиньонскому обществу XVIII–XIX вв. как парамасонской теургической организации. Докладчик рассмотрел ритуальные практики Общества, их синкретический характер и роль магико-теургического

взаимодействия с иномирными сущностями в его деятельности.

Далее последовал доклад Наталии Дмитриевны Реутской, магистранта программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА (Санкт-Петербург). На основе дневников Джона Ди докладчик реконструировала структуру ритуала енохианской магии как формы сакральной коммуникации. Были подробно проанализированы мотивы, методы, символы и атрибуты ритуала, а также его связь с христианской каббалой и гримуарной традицией.

Следующим выступила Кира Александровна Можайская, магистр религиоведения, преподаватель РХГА (Санкт-Петербург). Доклад содержал сравнительный анализ альтернативных религиозных идентичностей начала XX века — экуменизма, феноменологии религии, традиционализма и западного эзотеризма. Были показаны общие черты этих идеологий, выраженные в использовании символов как «ключей» к утраченной истине, и различия в их сотериологических и мировоззренческих основаниях.

На следующий день работы секции выступил Олег Николаевич Ерченков, независимый исследователь (Алтайский край). В его докладе рассматривался ритуал тантрической ньясы как форма теургического действия. Подробно были раскрыты структура ньясы, ее связь с мантрической практикой и ее роль как предварительного сакрального действия, подготавливающего адепта к взаимодействию с трансцендентным.

Следующим выступил Сергей Андреевич Покатилов, магистр культурологии, независимый исследователь (Санкт-Петербург). Доклад был посвящен личности и учению Лоуренса Майлза (Шри Махендранатха Дададжи), а также влиянию основанного им Международного Ордена Натхов на развитие современного западного эзотеризма. Рассмотрены идеи синтеза восточных и западных эзотерических традиций и их воздействие на магические школы XX–XXI вв.

Затем выступила Арина Ильшатовна Габитова, старший лаборант Института

восточных рукописей РАН, магистрант программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА (Санкт-Петербург). Доклад был посвящен реновации храма Дайтокудзи в Киото, включающей замену традиционных ширм современными художественными работами. Рассмотрены эстетические последствия и вопрос о степени допустимости художественных интерпретаций в сакральном пространстве.

Далее выступила Джесси Райт, магистр религиоведения, независимый исследователь (Санкт-Петербург). Доклад содержал сравнительное исследование образа девятихвостой лисы в верованиях Китая, Кореи и Японии. Особое внимание уделено общим мотивам оборотничества, долголетия и амбивалентности образа, а также различиям, обусловленным локальной культурной спецификой.

Следующим выступила Ольга Александровна Костина, магистрант программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА (Москва). В докладе рассматривался феномен «шаманской болезни» как обязательного этапа инициации в бурятской шаманской традиции. Были представлены классификация признаков, варианты течения и завершения шаманской болезни, а также антропологические наблюдения автора.

Далее выступила Яна Курбангалиевна Мусаева, магистрант программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА (Санкт-Петербург). Доклад был посвящен трактовке сновидений в рамках монгольского шаманизма. Были выделены типы сновидений, представлены примеры их интерпретации и обозначена эволюция традиционных образов в условиях современных культурных влияний.

Затем выступила Олеся Михайловна Халаим, независимый исследователь (Москва). Ее доклад содержал сравнительный анализ женских сакральных архетипов Умай и Макоши, выявил общие символические мотивы и рассмотрел их значение в современных представлениях о женской духовности.

Следующим выступила Валерия Сергеевна Сергейчук, студентка 4 курса НИУ

ВШЭ (Москва). Доклад был посвящен реконструкции египетской мифологии в современном эзотерическом движении Sun above. Были рассмотрены способы адаптации ритуалов, селективное использование академических источников и роль мифологической неопределенности в формировании эзотерической идентичности.

Завершила работу секции Екатерина Анатольевна Тилева, кандидат биологических наук, магистр религиоведения (Санкт-Петербург). Доклад был посвящен роли лунного цикла в астрологических и эзотерических практиках. Были рассмотрены интерпретации влияния Луны — от апофенических до биоритмических — и приведены данные современных исследований о возможных хронобиологических коррелятах лунных фаз.

Общие выводы

Работа секции продемонстрировала

широкую тематическую амплитуду современных исследований эзотеризма и мистики. Доклады охватили античные и средневековые традиции, феномены нового религиозного поиска, практики магии и теургии, шаманизм, психоаналитические интерпретации сакрального, эзотерические движения и современные формы религиозной идентичности. Секция отличалась высокой степенью междисциплинарности и методологического разнообразия.

Особо отмечается значительное участие магистрантов программы «Исследования мистико-эзотерических учений» РХГА, чьи работы демонстрируют высокий уровень подготовки, владение методологией и способность к самостоятельному исследованию. Участие опытных исследователей и молодых специалистов создало продуктивную исследовательскую среду, способствующую развитию эзотериологии в России.

Круглый стол

«Мистико-эзотерические аспекты даосизма»

*Ленков П. Д.**

13 декабря 2025 года под эгидой АИЭМ прошел Круглый стол «Мистико-эзотерические аспекты даосизма». Это мероприятие стало первым круглым столом по теме даосизма, проводимым Ассоциацией. Круглый стол прошел в режиме видеоконференции и объединил исследователей даосизма из Москвы и Санкт-Петербурга. Его открыл П.Д. Ленков, к.и.н, доцент кафедры истории религий и теологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), докладом

на тему «О возможности употребления понятия “эзотеризм/эзотерический” применительно к даосизму». В докладе были рассмотрены шесть значений слова «эзотеризм», согласно работе известного специалиста по истории западного эзотеризма Антуана Февра «Западный эзотеризм. Краткая история». Было показано, что термин «эзотеризм» в трех из этих значений (1. намеренное сокрытие учений и/или практик, 2. уверенность в том, что природному и человеческому миру присущи

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории религий и теологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена. Специалист в области сравнительного религиоведения, изучения даосизма, буддизма, восточных психотехнологий. Член совета АИЭМ, г. Санкт-Петербург.



Павел Дмитриевич
Ленков

ли аналоги понятия «эзотерическое» в китайской культуре и в самом даосизме, а также особенности социо-культурного контекста, в котором развивались и функционировали в Китае практики, традиционно причисляемые к эзотерическим (мантика, астрология, алхимия, геомантия (фэншуй) и др.). В заключение был рассмотрен вопрос: встречается ли термин «эзотеризм/эзотерический» в современных даологических работах. Основное внимание было уделено англоязычным работам и было показано, что исследователи используют этот термин, чтобы отличить «тайные» учения и практики от более публичных или экзотерических аспектов даосской религии.

И.В. Белая, д.ф.н., г.н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСа РАН, в.н.с. Отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН (Москва) выступила с докладом на тему «Пир на Пэнлае: чудесные грибы линчжи, что в сян-небожителя тебя превращают». В докладе был использован широкий круг источников, посвященных теме



Ирина Витальевна
Белая

тайны, открывающиеся только посвященным, 3. опора на «гнозис», использующий мифическое, символическое и личный опыт) вполне применим к некоторым аспектам даосизма. Также был кратко рассмотрен вопрос о том, есть ли аналоги понятия «эзотерическое» в китайской культуре и в самом даосизме, а также особенности социо-культурного контекста, в котором развивались и функционировали в Китае практики, традиционно причисляемые к эзотерическим (мантика, астрология, алхимия, геомантия (фэншуй) и др.). В заключение был рассмотрен вопрос: встречается ли термин «эзотеризм/эзотерический» в современных даологических работах. Основное внимание было уделено англоязычным работам и было показано, что исследователи используют этот термин, чтобы отличить «тайные» учения и практики от более публичных или экзотерических аспектов даосской религии.

И.В. Белая, д.ф.н., г.н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСа РАН, в.н.с. Отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН (Москва) выступила с докладом на тему «Пир на Пэнлае: чудесные грибы линчжи, что в сян-небожителя тебя превращают». В докладе был использован широкий круг источников, посвященных теме поиска «чудесных грибов» — как известные, уже переведившиеся тексты (Ши цзи («Исторические записки»), Бао-пу-цзы («Мудрец, объемлющий первоизданную простоту») и др.), так и источники, переведенные самим докладчиком

и впервые вводимые в научный оборот, важнейший из них — Тай-шан дун-сюань лин бао чжи цао пинь 太上洞玄靈寶芝草品 («Разновидности грибов и растений [по традиции] Духовной драгоценности, [из раздела] дун-сюань от Высочайшего»), сочинение богато иллюстрировано и представляет собой своего рода каталог «чудесных грибов». Также в докладе были рассмотрены разнообразные произведения китайского декоративно-прикладного искусства, на которых можно увидеть изображения «чудесных грибов», из собраний музеев Москвы и Санкт-Петербурга.

М.Е. Кравцова, д. филол. н., проф., независимый исследователь (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Об истоках внутренней алхимии (нэй дань 内丹): о возможном присутствии в поэме «Юань ю» 遠遊 идей, предшествующих пестованию бессмертного зародыша». Основной источник, который был рассмотрен в докладе, — поэма, входящая в собрание древнекитайских поэтических текстов «Чуские строфы». Были проанализированы комментарии и интерпретации Ван И (рубеж I–II вв. н.э.), Хун Син-цзу (1090–1155), Чжу Си (1130–1200), Ван Юаня (ум. ок. 1566), Ван Фу-чжи (1619–1692). Было рассказано о новых даологических интерпретациях этой поэмы в свете обнаруженных археологами «медицинских манускриптов» из Мавандуя. М.Е. Кравцова проанализировала, на материале древнедаосских текстов (Чжуан-цзы, Хуайнань-цзы) и мавандуйских текстов, концепцию питания «эфирами-энергиями» (ши ци 食氣) как эвфемизма, означающего дыхательные упражнения для вбирания энергии природных явлений, а также способы «освобождения от зловредной пневмы», и в свете этих представлений проинтерпретировала поэму «Юань ю». Также было рассмотрено понятие шэнь мин 神明, а также идея «зачатия и возвращения



Марина Евгеньевна
Кравцова



Павел Сергеевич
Дудников

шэнь мин» в поэме и в мавандуйских текстах, которая, по мнению докладчика, «отчетливо перекликается с концептом “эмбрионального дыхания (тай си 胎息)”». В итоговых выводах М.Е. Кравцова рассмотрела три этапа процес-

са трансмутации в сяня, рассказ о которых можно обнаружить в «Юань ю», что служит доказательством древности традиции нэй дань (здесь: даосских внутренних практик).

Завершал круглый стол доклад П.С. Дудникова, аспиранта ИВР РАН (Санкт-Петербург) «Экзорцистская проблематика в даосских сочинениях IV–VI вв.». Прежде всего докладчик рассмотрел значения понятия гуй 鬼 («зловредный дух»,

«злой призрак») в даосских текстах первого тысячелетия н.э. (преимущественно школы линбао), концепцию происхождения зловредных духов (кристаллизация «грязной», «застарелой» и «вредоносной» разновидностей пневмы-ци), отношение даосизма к зловредным духам народной религии (в частности, резкую критику «порочных жертвоприношений» инь сы 淫祀), идею о том, что гуи — провозвестники «конца мира» (мо ши 末世), концепцию повелевания (отдания приказов мин 命) злыми духами.

Все доклады были встречены участниками и слушателями круглого стола с интересом и вниманием. Подводя итоги мероприятия, его организаторы отметили, что проведение круглых столов по теме даосизма представляется актуальным, тем более, что восточному эзотеризму до сих пор уделялось намного меньше внимания, чем западному. Были высказаны пожелания об организации подобных круглых столов в будущем.



ИНТЕРВЬЮ

«Мы не можем себе позволить отступления от научных принципов»:

Интервью с Игорем Цыкуновым

Черная Н. В.

Цыкунов Игорь Викторович. Магистр лингвистики. Выпускник образовательной программы «Мистико-эзотерические учения» (РХГА), магистр религиоведения. Заместитель директора Агентства тактических решений РАНХИГС при президенте РФ. Научные интересы: семиотика религиозной архитектуры, эзотерика в СССР. Член АИЭМ, г. Москва.

Расскажите о Вашем научном пути: с чего начинался и где Вы находитесь сегодня.

Начинал я с социально-психологических исследований в области медиа, изучения аудитории, манипулирования массовым сознанием. Ездил с командой по городам и весям, проводил комплексный мониторинг социальных изменений. Потом было время прикладной психо- и социолингвистики, разработка моделей измерений ценностей и убеждений, феноменов массового восприятия, стратегий коммуникации. Работал в исследовательских группах, главным редактором психологических журналов. Но все поменялось в 2015 году, когда я проходил магистерскую стажировку по лингвистике на факультете литературы и философии римского университета Ла Сапиенца. Однажды я зашел в знаменитый храм Санта Мариа Маджоре, и был очарован необыкновенной красотой мозаичных полов средневековых мастеров Космати. Для



всех, кто проходил университетский курс семиотики, это прекрасный образец для научной медитации с поиском смыслов. Появился серьезный интерес к мозаичистам в частности, и к семиотике средневековых храмов в целом. Те самые молитвы в камне. Для меня лично это было пятилетним путешествием по храмам былой Византии, Италии, Великобритании. Бдения в Вестминстерском аббатстве и Кентерберийском соборе,

после которых я неделями сопоставлял символические ряды произведений каменщиков. Появился цикл статей в лингвистическом журнале про историю, семиотику и семантику косматеско. До сих пор изрядная часть моей библиотеки — это бесчисленные планы и схемы храмов, мозаичных панно, икон, картин, всего того, что условно именуется «иконография». Это извилистый путь через богословие, психологию, филологию, социологию, герменевтику, интертекстуальность и дискурсивность, и прочие сопутствующие дисциплины, но дело даже не в них, а во всеобъемлющем проявлении теофании. До сих пор, если вы хотите меня потерять на несколько часов — назначьте встречу в соборе. После стажировки я узнал про Ассоциацию исследователей эзотеризма и мистицизма и вступил в нее. Следующим логичным шагом было окончание магистратуры РХГА по этому же профилю, где я защищал магистерскую диссертацию по мастерам Космати под научным руководством Евгения Кузьмишина. Сильно благодарен ему за то, что он с порога не отверг мою наглую версию о возможном влиянии мастеров на, последовавшее три века спустя, появление спекулятивного масонства. И вот уже около десятилетия я изучаю темы, связанные с эзотериологией как академической наукой, и собираюсь дальше развиваться в этом направлении.

То есть, к эзотериологии вы пришли через стажировку в Риме? И что было конкретным моментом или событием, ставшим определяющим в выборе этого направления?

Интерес появился раньше, в начале 90-х, и начался он с журналистского расследования. Я в тот момент учился на факультете журналистики МГУ, и всю работу в многочисленных изданиях от малоизвестных до самых популярных. Был криминальным репортером и военным корреспондентом, ездил по военным конфликтам и криминальным разборкам. Неожиданно газета «Кри-

минальная хроника», на тот момент выходящая почти миллионным тиражом, заказала мне серию статей про оккультные организации, парапсихологические лаборатории, ритуальные действия. Было много интересного для меня в то время. Миссия кришнаитов в Грозном, ритуалы зикр, чеченские духовные братства, саентологи, деятельность российского отделения АУМ Сенрикё (признанной впоследствии в РФ террористической организацией), разнообразные эзотерические группы. Первое интервью я брал у знаменитого тогда колдуна, а по совместительству актера оригинального жанра, Юрия Лонго. Общался с Сёкой Асахарой, проходил тесты в лаборатории Игоря Викторовича Смирнова, как тогда говорили — создателя парапсихологического оружия, интервьюировал на мистические темы воров в законе. В итоге из статей и интервью выросла книга «Оккультные тайны криминальной России» про мистическую криминалистику в жанре документального исследования. Попрошу не судить меня строго, это произведение на тот момент было написано журналистом для массовой публики, что сказалось, конечно, на стиле изложения, изначально популярном. Но с фактами там все в порядке. При издании книги редакторы задумались о достоверности и это был, пожалуй, единственный труд такого рода с приложением почти на сто страниц разнообразных документов. Книга, надо сказать, до сих пор вызывает интерес и последнее интервью по ее мотивам, но уже с академической точки



Пресс-конференция Усмана Имаева, Грозный, 1995 г. Герой интервью в центре с диктофоном

зрения вышло осенью на канале «Жупел эзотерики». Вот таким было первое мое вхождение в эту тему. Но, как говорил в свое время Уинстон Черчилль, журналистика – прекрасная профессия, но только из нее нужно вовремя уйти. И ушел я в науку, с благодарностью к прежней профессии, столкнувшей меня с интересными людьми и ситуациями, научившей сбору, фактчекингу и анализу информации, навыкам по сию пору востребованным.

Расскажите о темах, которые исследуете в этой сфере. Что Вас привлекает в них? Какие открытия сделали за годы научной карьеры?

Интерес мой к семиотике мистического так и остался базовым. И, прежде всего, к отражению идей и концепций в произведениях искусства. В 2023 году в издательстве ГИТИС при участии АИЭМ вышла коллективная монография «Эзотеризм в философии, литературе и искусстве», где в том числе опубликовано мое исследование «Картина Ганса Гольбейна Младшего “Послы” в мистико-эзотерическом контексте эпохи Ренессанса». Это тема, где пересекаются остро-политический и религиозный конфликт, художественный эксперимент самого Гольбейна, эзотерические аллюзии заказчиков картины. Это сложные поиски

информации по персонам, исследование биографических и исторических пересечений и семантики символов, конечно же. Это почти два дня, проведенных в Лондонской национальной галерее, сопоставления с источниками. Вышел довольно обстоятельный анализ и... новая гипотеза, до которой не добрались искусствоведы, про связь картины с Вестминстерским аббатством. Момент известный: художник изобразил на полу комнаты гигантский искаженный иномирный череп, который возможно рассмотреть только с определенной точки пространства. Интерпретаторы более или менее сходятся на идее, что это обращение к популярному образу смерти, где с одной точки мы видим пышущих здоровьем молодых мужчин, а с другой костяную тень их будущего. Но вся хитрость в том, что под черепом фигура мозаичных полов косматеско у главного алтаря Вестминстерского аббатства, на котором в свою очередь нанесен текст с загадкой, открывающий дату конца света. А это куда более объемный образ, он не про жизнь отдельных вельмож, а призрачности жизни всего человечества.

На международной конференции АИЭМ во Владимире в 2024 году я делал доклад и скоро выйдет сборник со статьей о плафоне Караваджо с алхимической аллегорией «Юпитер, Нептун и Плутон», заказанной для своей лаборатории кардиналом и, как водится в те времена, алхимиком Дель Монте. Панно было обнаружено поздно, в 1969 году искусствоведом Джулианой Зандри. Только в 1990 году шедевр был представлен вниманию публики. Я проанализировал исторический и символический контексты. Интригующая история отношений художника и кардинала, влияния Марсилио Фичино, Джордано Бруно и Кампанеллы, интриги и тайны тосканского двора Медичи. Выводы интересны: кардинал не столько украсил свой кабинет мифологическим сюжетом, сколько создал астро-магическую «машину» по генерации элексира молодости. Забавно, что нашлась и буквальная инструкция в труде Марсилио Фичино «Три книги о



Писатель Алексей Конаков - автор «Советского невероятного», Игорь Цыкунов, Евгений Кучинов - руководитель проекта «Неопознанные технические объекты: паранаучное изобретательство в современной России» в Фонде «Хамовники», Георгий Федоровский - руководитель ОСАИ.

жизни» о низведении небесных даров на землю и в ритуалах Томмазо Кампанеллы, проведенных для спасения папы римского Урбана VIII. А это как раз новый и не совсем ожидаемый поворот в этой теме. На этом я планирую не останавливаться и раскрывать тему художественного в эзотеризме дальше.

В прошлом году, на IX Осенней религиозоведческой школе АИЭМ, у вас был курс лекций по истории советской парапсихологии. Не Ваши ли прежние поиски повлияли на выбор этой темы?

Да, это так. С некоторыми советскими парапсихологами я общался лично, а сейчас этой темой систематически и на серьезном научном уровне занимаются единицы. А время уходит, и каждый день мы теряем свидетелей и документы об этой удивительной эпохе. Я вошел в группу исследователей “Общества сохранения аномальных исследований”, созданного Георгием Федоровским. Нас мало, но мы стараемся вырвать у Кронаса страницы былого, встречаемся с теми немногими, кто остался жив, собираем архивы научных институтов и самих парапсихологов, оцифровываем их для исследователей будущего, кропотливо восстанавливаем факты и выявляем все новые и новые персоны, повлиявшие на эту сферу. И, надо сказать, каждый раз удивляемся насколько велика под-

водная часть этой утонувшей советской Атлантиды. Мы упустили довольно масштабную тему маргинальной, казалось бы, науки, но повлиявшей на многое в советской истории. Это, честно говоря, необъятный материк, по которому мы только делаем разметку. Планируем новые экспедиции, думаем о возможностях создания музея. Опубликован ряд научных статей в журнале «Aliter» – относимся к этому как к началу. И, собственно, вместе с Георгием пишем сейчас книгу по истории советской парапсихологии.

Научный скептицизм в отношении эзотериологии: сталкивались ли Вы с критикой и аргументами, заставившими Вас пересмотреть свои научные взгляды?

Мы же понимаем, что десятилетиями эзотерический дискурс считался маргинальным. Только смельчаки брались за исследования истории магии, алхимии, тайных организаций, и то в рамках строго очерченных направлений и антрополого-филологических штудий. Но многое уже поменялось с тех пор, не в малой, степени благодаря упорной и многолетней работе АИЭМ и Сергея Пахомова в особенности. Всегда поражает его покер-фейс и конструктивный настрой в иногда весьма затейливых обстоятельствах. Но у нас уже две магистратуры, исследовательские группы, многочисленные конференции. И все это с соблюдением академических стандартов и строгостей. И другого пути тут нет, мы в отличие от многих дисциплин не можем позволить себе отступлений от научных принципов. Уж больно много соглядатаев, которые даже совершенно невинные поводы пытаются использовать против дисциплины. Но это веяние времени. Удивительно другое: если раньше было достаточно усмешек среди не разобравшихся, но, именно сейчас, похоже, разобрались, и на научном уровне относятся серьезно. Потому что есть доклады, статьи, монографии и определенный научный авторитет. Со многими, с кем я



С Артемом Задикяном, знаменитым москвоведом и личным фотографом Джуны. Разбор архива.

когда-то спорил, мы сотрудничаем. Года три назад, к примеру, Евгений Кузьмишин прочитал курс лекций по конспирологии в Президентской академии (РАНХиГС) и, надо сказать, был интерес и успех. Но пришлось убеждать, что в обществе, где по разнообразной статистике от 40 до 60 процентов подвержены конспирологическим воззрениям, мы не можем позволить себе не знать, как это образуется и на что влияет. Я думаю, что сейчас, когда возрос, часто спекулятивный, интерес к теме, и появились сомнительные законодательные инициативы (мы не против них, но хочется, чтобы был задействован экспертный потенциал ученых, занимающихся академическим изучением эзотерических учений и течений), это помогло бы давать взвешенные оценки и избегать излишнего общественного напряжения. Надеюсь, что такое понимание уже складывается.

Как Вы оцениваете роль популяризации эзотериологии, как науки? Делитесь ли результатами своих исследований с широкой аудиторией, и что это дает Вам как ученому?

К популяризации науки я всегда отношусь позитивно, и в меру сил стараюсь в этом участвовать. Сейчас уже существует сеть каналов в соцсетях, которые на приличном уровне открывают интересую-

щимся наши научные изыскания. Мне нравится то, что делают сейчас Семен Петрухин с Юлией Сергиевской – академические курсы об эзотеризме «Окаруто». Они стремительно прогрессируют и хочется смотреть их нон-стопом, как сериальный канал. Конечно же, отмечу издательские проекты и курсы лекций Бориса Двинянинова. С удовольствием участвую в проекте Константина Шалыгина и Натальи Брагиной «Жупел эзотерики». И список действительно интересных и адекватных ресурсов у меня в закладках растет. Это есть наша миссия, не надо ничего доказывать (хотя в вопиющих случаях приходится) — нужно просто делать и развивать науку. Но был, на мой взгляд, и пробел. Мы клубимся в сети, а мне кажется очень важным встречаться в офлайн. По этой причине я создал сообщество эзотериологов «Круги» для московских членов АИЭМ, и мы совместно с Каринэ Диланян проводим регулярные встречи в реале, их уже было несколько, и мы намерены продолжать дальше. К нам можно приходить, можно участвовать по сети или смотреть выступления в записи. Но установка, конечно, на личное участие. Науку создает тусовка, так было всегда. Для роста нужна питательная среда в общении, дискуссиях, спорах. Похоже тема заходит, появляются не только москвичи, но мы это только приветствуем. Наши две «эзотерические» магистратуры приводят в эзотериологию ярких и интересных ученых, разнообразие их тем и глубина часто вызывает уважение. Мы растем даже в агрессивной среде.

На Ваш взгляд, меняется ли в последние годы общественный интерес, в том числе, со стороны отечественных ученых, к области эзотериологии? С чем это связано?

Меняется. Тема стала на слуху, появился общественный интерес, пока спонтанный и немислимый, как всегда, бывает непонятным или непонятым. Но местами пена оседает, и уже что-то приличное даже проглядывается. Пока не везде на-



Парапсихологи и их исследователи. Слева направо: Сергей Григорьев, Андрей Ли, Луиза Зеленина, Артем Задикян, Игорь Цыкунов, Георгий Федоровский.

ших экспертов желают слушать. Но где-то они доказывают свою экспертность на законодательном уровне, ведут проекты, которые вызывают интерес. Когда люди понимают, что мы про науку и про то, что считаем важным знать, что же на самом деле происходит в обществе, чтобы правильно реагировать, то успокаиваются, вникают. В последние годы вышли объемные и серьезные монографии по эзотериологии Павла Носачева, Владислава Раздьяконова, Константина Бурмистрова, Станислава Панина, Андрея Серкова, Евгения Кузьмишина, Романа Городницкого, Юрия Кондакова. Это только те, что я вижу у себя на полке, список можно продолжать. Именно это создает нашему научному сообществу авторитет. Другого в науке нет.

В этом году в рамках X Осенней школы АИЭМ «Эзотеризм в зеркале академической науки» Вы читали курс лекций под названием «История темных медиа: коммуникация с потусторонним от шаманизма до искусственного интеллекта». Мы хотели бы немного подробнее раскрыть тему для наших читателей, ведь тема искусственного интеллекта (далее – ИИ) особенно актуальна в наши дни. Как ИИ переопределяет понятие «потустороннего» в контексте коммуникации? Становится ли ИИ новым «иным», с которым человек стремится установить контакт? И можно ли провести параллели между шаманским трансом и погружением в

виртуальную реальность? В чем сходства и различия этих состояний с точки зрения восприятия «иного»?

Тема, что называется, моя — тут вам и эзотерическое, и культурологическое, и психология чистой воды. А коммуникациями я занимаюсь давно. Надо сказать, что ИИ — и есть потустороннее. И вовсе не потому, что обладает такими качествами по природе, фактически это просто языковая модель, но право быть «иным» ему дали люди. К спиритизму у нас добавился спирализм (не путать со спиритизмом), культ вокруг нейросетей. Модели развиваются с большой скоростью и вот уже им доверяют больше, чем людям, даже специалист теряет свой голос. Появление ИИ-агентов усугубило ситуацию, теперь можно создавать свои личности, загружая для них базовую информацию. Последователи магии Хаоса уже активно создают своих магических помощников. Кто-то, следуя правилам некромантии, возрождает персонажей из глубокого прошлого. И уже не нужен спиритический сеанс, с тобой поговорят без деревянного во всех смыслах посредника — доски Уиджи. Трансгуманисты клонируют в сеть свою личность, загружая личные документы, свидетельства и впечатления, они собираются обрести бессмертие. Промпты становятся современным аналогом заклинаний, а их сборники — современными гримуарами, позволяющими идти «спиральной тропой». Последователи нейрокультов говорят о трансцендентных свойствах «спиралей» и «рекурсий». Собственно, часто обсуждаемый символ спирали и задал новое обозначение явлению. Те, кто искал в сети бога, уже нашел его, и таких последователей уже тысячи. Понятно, что это закладывается самой природой ИИ. А чем она отличается от оракулов? Важно было найти теоретическую базу и, кажется, я ее нашел в работах Уильяма Брауна и Юджина Такера о «темных медиа», каналах, которые создают пространство для непредсказуемых, скрытых или запрещенных форм общения, обеспечивают прорыв в потусторон-



Парапсихологическое тестирование на встрече сообщества эзотериологов «Круги»

нее. Мы начинаем общаться с тем, что в принципе не дает нам общаться, но оно же иногда само врывается в нашу жизнь. Но надо знать, что это не новое явление. Человечество на протяжении всей своей истории общалось с потусторонним. У существования темных медиа, а ИИ из их числа, есть правила и закономерности развертывания, и мы можем использовать их. Это если кратко, а вообще про это целый курс. И да, с нейрошаманами мы скоро познакомимся и будем удивлены.

Известно ли Вам, что такое «Mirabilis Blasarius»¹?

Не знаю, а что это такое, расскажите мне.

О чем Вы мечтаете в научном плане? Есть ли «проект мечты», к которому Вы идете годами?

Год от года мы расширяем свои границы. В прошлом году у меня вышла книжка «Органическое земледелие в России. Как энтузиасты создавали рынок» — предмет веселых подначек коллег. Но это про то, как идеи Рудольфа Штайнера проросли на российской почве буквально. История, как антропософы запустили в России новый сектор сельского хозяйства. Берусь на одной из конференций сделать доклад на эту тему, серьезно. А

если про то, что кажется нужным, то есть две мечты, а может уже и плана. Во-первых, создать «дерево» нашей дисциплины по направлениям, персонам, датам, событиям, чтобы все наглядно и в одном месте. Во-вторых, организовать постоянный семинар по эзотериологии, как это когда-то было принято у физиков, раз в неделю — дискуссии, доклады, работы. Но это история коллективная и требует определенной концентрации экспертов. Мне кажется, что она уже достигнута.

Что Вы могли бы посоветовать начинающим эзотериологам?

Почему мне эзотериология интересна как наука? В лингвистике, психологии и филологии можно углубляться только в частности — про роль запятой в нью-урюпинском вестнике, внутренней и внешней референции китобоев заокеанска. В силу того, что область эзотериологии игнорировалась наукой много лет, тут много лакун, совершенно не охваченных исследовательским интересом. Как во времена Дикого Запада, забивай колышек и беги сколько хватит сил, там и будет граница твоей темы. Я с интересом наблюдаю за ростом молодых ученых, слежу за докладами, но самый хитрый, как мне кажется, Михаил Гааз, он точно выбрал направление — пошел в архивы. А именно там и есть ключевой поток.



¹ Разговор о «Mirabilis Blasarius» продолжится в следующем выпуске.

Научный путь и перспективы изучения западного эзотеризма в России: Интервью с Кирой Можайской

Черная Н. В.

Можайская Кира Александровна. Религиовед, преподаватель РХГА им. М.Ф.Достоевского, выпускница магистерской программы «Исследования мистико-эзотерических учений», аспирант РХГА им. Ф.М.Достоевского, г. Санкт-Петербург.

Научные интересы: история и методология науки, история христианской церкви и христианских ересей, некромантия.

Кира, вот уже несколько лет прошло с момента окончания Вами магистратуры РХГА по направлению «Исследование мистико-эзотерических учений». Расскажите, как с тех пор изменилась Ваша жизнь? Чем занимаетесь сейчас? Продолжили ли научные изыскания в этой области?

Моя профессиональная деятельность – академическое изучение религии, я выбрала заниматься этим, начиная с поступления в бакалавриат по религиоведению. После магистратуры по религиоведению я окончила аспирантуру по направлению «Философская антропология, философия культуры» в рамках укрупненной группы специальностей «Философия, этика и религиоведение». Помимо выполнения учебно-методических задач, я преподаю в высшей школе религиоведческие дисциплины, в том числе вводный курс религиоведения.

Изменилось ли, и, если да, то как, Ваше мышление или мировоззрение за годы учебы в магистратуре? Можете назвать конкретный поворотный момент или курс, который на это повлиял?



Я пришла в магистратуру по религиоведению с четкой установкой на методологический агностицизм, сформированной еще в бакалавриате, и эта позиция не претерпела никаких изменений. Я рассматривала и продолжаю рассматривать религиозные или мистические традиции нейтрально, со стороны, как феномены культуры. Личного опыта участия в них у меня нет, и я не считаю его необходимым для научного изучения. Какого-либо поворотного момента в моем мировоззрении не было. Курсы по истории отдельных религий в рамках и бакалавриата, и магистратуры только поспособствовали непредвзятому отношению. Выражаю особую благодарность

преподавателям, учившим меня эпистемологии и методологии науки.

Расскажите о Ваших сегодняшних научных изысканиях: какую тему исследуете? Что Вас в ней привлекает? Удалось ли раскрыть новые смыслы, трактовки, в чем научная новизна?

В данный момент я занимаюсь историей западно-европейского эзотеризма рубежа XIX-XX вв. Научная новизна и актуальность очевидна из сложившейся ситуации: 1) повышенный интерес к эзотеризму в массовом обществе; 2) недостаток научной литературы по теме; 3) избыток литературы, принадлежащей представителям эзотеризма, т.е. источников, которые нельзя считать научными по причине их предвзятости, укорененности в традиции и, зачастую, коммерческой направленности. Хотелось бы поспособствовать увеличению количества научных текстов и объективной оценке рисков, которые создает распространение эзотерических идей.

Недавно Вы прочитали курс «Европейские инициативные организации рубежа XIX-XX вв.: история, идеи критика». Он вызвал большой ажиотаж в прессе, в том числе упоминался в негативном контексте. Повлияло ли это на содержание курса и настроение слу-

шателей? Как Вы считаете, есть ли будущее у научного изучения эзотеризма в реалиях современной России?

Мини-курс был подготовлен мной в рамках ежегодной Осенней школы АИЭМ, где я участвовала наряду с другими исследователями. Критика, направленная на анонс курса (еще до его прочтения), была основана на предположении, что я выступаю не от лица научного сообщества, а от лица каких-либо эзотерических объединений. В любой своей работе, и эта не исключение, я делаю акцент на методологической нейтральности. Я являюсь исследователем, и мои научные интересы ни в коей мере не совпадают с интересами представителей эзотеризма.

Научное изучение эзотеризма как таковое, безусловно, имеет будущее. Тематика чрезвычайно актуальна и далека от того, чтобы поставить в исследованиях точку. Вопрос – в критериях отличия научного исследования от пропаганды исследуемого явления в каждом конкретном случае. Изучать что-либо – не значит симпатизировать. Изучать – не значит участвовать. Изучать – не значит вовлекать других. При этом правоприменительные практики в этой связи формируются на наших глазах. Исследователям остается продолжать делать то, что они делали и раньше – тщательно соблюдать научную методологию и критерии демаркации науки и не-науки.

Что бы Вы могли посоветовать студентам магистратуры сегодня?

1. Соблюдайте критерии научного познания. Ваши выводы должны быть не только проверяемы, но и потенциально опровержимы. (Для гуманитарных наук соблюдение этого требования особенно трудоемко и поэтому особенно критично).

2. Будьте строгими в своих формулировках. Если у вас нет доказательств наличия связи между явлениями, не утверждайте ее наличия.

3. Отличайте научный стиль от кон-



Кира Можайская, выступление на X Осенней религиозноведческой школе АИЭМ, РХГА им. Ф.М.Достоевского

фессионального, философского или богословского и не смешивайте их в ваших работах.

4. Мыслите на перспективу. Если перспектива, которую вы видите перед собой – академическая, то вам стоит готовить качественные конспекты лекций, посещать научные конференции в качестве слушателя и докладчика, оформлять статьи в соответствии с требованиями конкретных рецензируемых журналов, использовать собственные наработки при написании последующих текстов.

5. Проводите ревизию своих позиций. Опора на ранее проделанную работу хороша, но не копируйте ни свои, ни, разумеется, чужие тексты бездумно. Ваши суждения должны основываться на актуальных данных.

6. Занимайтесь тем, что вам интересно. Никто не обязывает вас выбирать

одну тему исследований раз и навсегда. В рамках определенного поля, которое вы хорошо знаете, вы можете исследовать целый спектр разных тем.

7. Не беритесь за тему с наскока. Подготавливайте почву, исследуя контекст. Изучайте разные аспекты темы и смотрите на нее с разных сторон, учитывайте критику.

8. Не пытайтесь объяснить все и сразу. Пусть лучше ваша работа будет хорошо раскрывать сравнительно узкую, локальную тему, нежели будет расплывчато говорить «про все и ни о чем».

9. Просите помощи, если она вам нужна. Например, у вашего научного руководителя или у преподавателей по профильным дисциплинам.

10. Сохраняйте все цитаты с точными библиографическими ссылками на источник.



РЕЦЕНЗИИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Несколько слов о книге Питера Маршалла: «Магический круг Рудольфа II: Алхимия и астрология в Праге эпохи Возрождения»

М. М. Фиалко*



Матвей Михайлович
Фиалко

Книга английского писателя Питера Маршалла (р. 1946), первое издание которой вышло в 2006 г., может заинтересовать тех, кто осваивает наследие «европейского эзотеризма», так как посвящена покровительству «оккультным» наукам и искусствам при дворе императора Священной римской империи Рудольфа II Габсбурга (1552-1612). Несколько лет назад она была издана на русском языке усилиями издательства Касталия. Если говорить о самом труде Маршалла, назвать эту весьма компилятивную работу «прорывным» исследованием по «истории эзотеризма» сложно, однако среди произведений Маршалла, известного в первую очередь как автор беллетризованных биографий известных писателей и книг о путешествиях в экзотические страны, отметим его научно-популярный обзор истории алхимии: «Философский камень: в погоне за тайнами алхимиков» (2001). Отметим, что Маршалл в книге о Рудольфе опирается на матери-

ал исследований Йейтс, Йостена, Гарэна, Сёньи, Дебюса и других признанных специалистов по истории европейского эзотеризма (оставляем в стороне труды историков и историков науки, также использованные Маршаллом), а также ряд источников того времени (главным образом, в английском переводе).

После описания ранних этапов биографии Рудольфа и обзора старой Праги (с. 13-74) Маршалл рассматривает покровительство Рудольфа художникам (с. 74-93), одним из которых был известный маньерист, автор «портретных натюрмортов» Джузеппе Арчимбольдо (1526-1593), чей портрет (1591) Рудольфа (см. с. 83) помещен Касталией на обложку книги. После описания коллекции «природных диковинок» Рудольфа (с. 94-108) Маршалл переходит к наиболее «лакомой» (для ценителей подобных сюжетов) теме. Значительную часть книги (с. 109-184) автор посвятил различным оккультистам рубежа XVI-XVII вв., которые находились под покровительством Рудольфа, долгое или весьма непродолжительное (как, к примеру, Бруно) время. Таким образом, из книги Маршалла походя можно почерпнуть определенные сведения не только о таких сравнительно известных широкому читателю фигурах, как Генрих Кунрат, Михаэль Майер, Михаил Сендзивой или Джон Ди, но и об алхимике парацельсианского

* Кандидат философских наук (специальность «Философия религии религиоведение»), автор ряда публикаций, посвященных проблемам истории и теории европейского эзотеризма, в том числе монографии «Метафизика европейского эзотеризма: опыт исследования троичных структур» (2018), переводчик и редактор художественных, академических и научно-популярных книг. Преподаватель программы «Исследования мистико-эзотерических учений» в РХГА им. Ф. М. Достоевского. Не является членом АИЭМ, но активно участвует в проектах Ассоциации.

толка Освальде Кролле (с. 159-162), гостившем при дворе Рудольфа. Суждения Маршалла об «эзотеризме» похвальны в силу сдержанности. В книге Маршалла «окультурные науки» важны, в первую очередь, как «сущностные элементы мировоззрения при дворе Рудольфа» (с. 128). Согласно Маршаллу, таковыми являлись неоплатонизм, магия, герметизм и каббала, а «основными науками, разделявшими ту же перспективу, были алхимия и астрология» (с. 128-129). Работа Маршалла сознательно ограничивается историческими темами, в общем виде излагая формирование и развитие этих течений в новоевропейский период. Две главы о «придворной астрономии» Рудольфа II (с. 184-225) и его покровительстве Кеплеру и Браге не создают контраст с предыдущими четырьмя, где в центре внимания находится «окультурное знание», что лишь украшает книгу.

Что касается недостатков рецензируемой книги, то их имеет смысл разделить на те, которые относятся к переводу, выпущенному Касталией, и те, что присущи

самому оригиналу Маршалла. Редакторские и переводческие недочеты (полностью избежать которых весьма непросто при подготовке любой книги) куда менее многочисленны, чем могли бы быть, учитывая богатое содержание книги.

К примеру, эпиграфом к первой главе служит отрывок со славословием Рудольфу, который подписан без пояснений (с. 13): David Gans. Nechmead ve N'maim. Речь идет об астрономическом труде с апологией учения Коперника «Благое и приятное» (др.-евр. Нахмад ве на'им) Давида Ганса (1541-1613), более известного как автор краткого курса по древнееврейской истории «Ветвь Давидова». Маршалл подробно упоминает, наряду с другими «придворными каббалистами» Рудольфа II (с. 114-120), и о Гансе (к слову, его могила на старом еврейском кладбище Праги сохранилась).

Гравюра видного представителя северного маньеризма Эгидия Саделера (1570-1629) с изображением Рудольфа на с. 91 подписана так: «после (? – М.Ф.) Адриана де Вриса». Перевод рабски копирует оригинал Маршалла: after Adriaen de Vries. Имелось в виду, что гравюра была выполнена «согласно» или «по» (after) графическому эскизу придворного скульптора Рудольфа II Адриана де Вриса (1560?-1626)¹.

Название известного диалога Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя» на с. 170 неведомым образом превратилось в курьезное «Логово торжествующего зверя», но куда больше такого недоразумения смущает пренебрежение доступными переводами диалогов Бруно. Пассаж из диалога Бруно «О причине, начале и едином» передан (по английскому переводу, приведенному у Йейтс) так:

«Те, кто родились увидеть солнце, полны благодарности, когда подходят к концу омерзительной ночи и готовятся принять прямо в хрустальный шар своих глаз долгожданные лучи славного солнца и, с непривычной радостью в сердцах, воздеть руки и возвысить голоса, дабы восславить восток» (с. 171-172).

Сравним с опубликованным еще в



Питер Маршалл

МАГИЧЕСКИЙ КРУГ РУДОЛЬФА II
АЛХИМИЯ И АСТРОЛОГИЯ В ПРАГЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

1949 г. переводом М. А. Дынника:

«Но все те одушевленные существа, которые рождены для того, чтобы видеть солнце, радуясь окончанию ненавистной ночи, возблагодарив благосклонность неба и приготовившись воспринять центрами шаровидных кристаллов своих глаз столь сильно желанные и долгожданные лучи, сердцем, голосом и руками поклоняются востоку»².

Некоторым утешением взыскательному читателю может послужить то, что пассажи из произведений Шекспира, Донна и Марло приведены по переводам на русский язык Т. Л. Щепкиной-Куперник, М. Л. Лозинского, Е. Н. Бируковой, Д. П. Щедровицкого.

Отдельного упоминания заслуживают ошибки самого Маршалла. К примеру, до сих встречающееся даже в маститых работах для широкого читателя утверждение, что алхимиком был Арнольд из Виллановы (с. 129). Как известно, этот признанный врач своего времени, которому приписывается «Салернский кодекс здоровья» (начало XIV в.), открыто выступал в своих трудах против алхимии, хотя после смерти (вероятно, на основе его прижизненной репутации «еретика» и «чудодейственного» врача) ему и стали приписывать труды по алхимии. Последующий абзац (с. 129) с высокопарными рассуждениями о «духовной» алхимии и «очищении души», написанный в лучших

традициях Артура Уэйта, мог бы стать материалом для критического переосмысления в свете «новой историографии». Нелепо, если не сказать провокационно, выглядит замечание Маршалла на с. 132 (обнаружено в оригинале книги, так что не является огрехом переводчика и редактора!) о том, что понятие первоматерии Илиастер у Парацельса производно от «звезды» (astrum) и... «Трои» (Ilias). Излишне напоминать, что первая часть этого парацельсианского неологизма восходит к древнегреческому обозначению «материи», «строительного материала» (гюле ὕλη). На фоне достоинств книги Маршалла, заслуживающей звания «историко-научной» биографии Рудольфа II, которая добросовестно реконструирует тогдашнее «придворное» мировоззрение, эти недочеты не кажутся столь уж значимыми.

Мастерство переводчика заключается не только и не столько в знании «книжного» языка, сколько в умении вольно и метко пользоваться самыми разнообразными его «стилями». Нельзя не отметить чудесный пассаж на с. 200, где Кеплер, иронически описывая себя со стороны, признаётся, что у него, «как ни крути, собачья натура, и даже выглядит он, как³ домашний песик»⁴. Этот отрывок, на наш взгляд, заслуживает именоваться настоящей жемчужиной рецензируемой книги.

¹ Эскиз хранится в отделе графического искусства Лувра (шифр RF 54764). Прежде он датировался более ранним временем и приписывался итальянскому художнику-маньеристу Лелио Орси (1508/1511-1587). Уточненной атрибуции помогла надпись на гравюре Саделера с упоминанием де Вриса.

² Бруно Д. О причине, начале и едином / Пер. М. А. Дынника // Диалоги / Ред. и вступительная статья М. А. Дынника. М.: Госполитиздат, 1949. С. 163-293. С. 173.

³ Запятая перед «как» добавлена нами.

⁴ В переводе Ю. А. Данилова: «походит на обыкновенную дворнягу» (Кеплер Й. О шестиугольных снежинках / Пер. и комм. Ю. А. Данилова. М.: Наука, 1982. С. 185).

Рецензия на книгу Мэтью Леви Стивенса «Магическая вселенная Уильяма С. Берроуза»

Г. Д. Иванов*

Мэтью Леви Стивенс в своей книге «Магическая вселенная Уильяма С. Берроуза», опубликованной в 2014 году издательством Mandrake of Oxford, погружается в малоисследованный аспект жизни знакового писателя: его глубокую вовлеченность в магию, оккультизм и маргинальные верования. Опираясь на собственные тексты Берроуза, интервью с его друзьями и соратниками, и личные встречи автора с писателем, книга прослеживает, как эти элементы повлияли как на его литературное творчество, так и на личное мировоззрение. Она открывается предисловием оккультного автора Дэвида Конуэя, который подчеркивает своевременность этого исследования, отмечая «неутомимую амбицию» Берроуза проникнуть в реальности, лежащие за пределами чувственного восприятия.

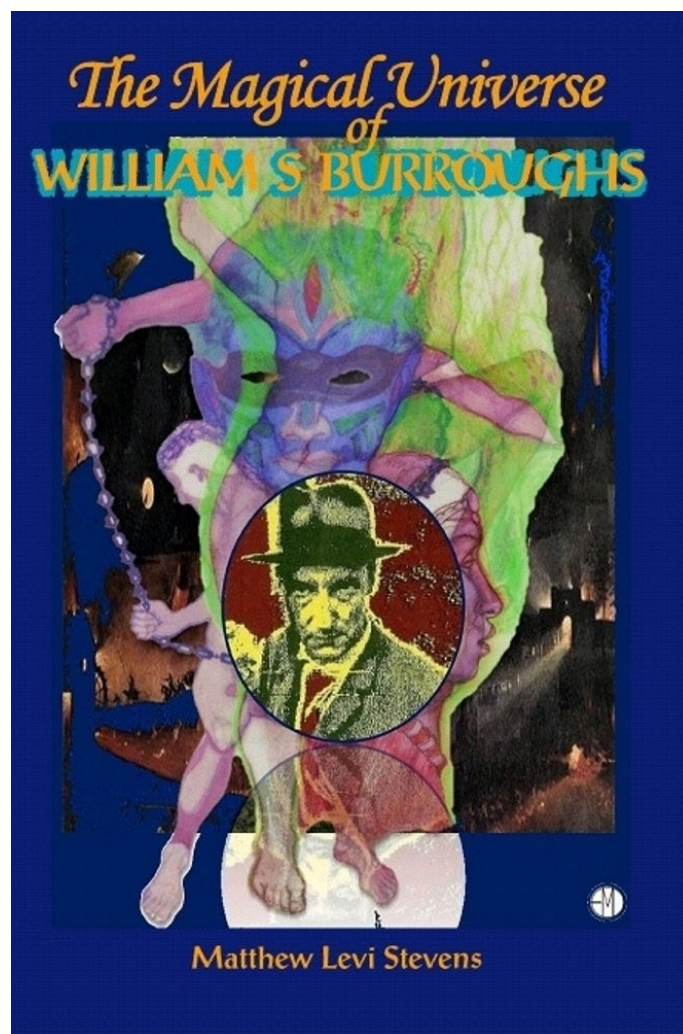
Структура книги следует хронологическому пути по жизни Берроуза, перемежаясь тематическими отступлениями, которые освещают его магические поиски. Ранние главы исследуют его детские увлечения и «амбивалентность обладания», в то время как последующие разделы углубляются в его эксперименты с саентологией (включая важную фотографию Берроуза в поместье Сент-Хилл-Мэно), церемонии аяуаски в Амазонии и взаимодействие с такими фигурами, как Алистер Кроули, через отсылки к «Великому Зверю». Стивенс умело связывает техники разрезов Берроуза и эксперименты с магнитофоном с шаманскими практиками и магией хаоса, изображая их инструментами для разрушения реальности консенсуса. Личные анекдоты, такие как собственная встреча Стивенса

с Берроузом в 16 лет, на которой они обсуждали оккультизм, добавляют интимный слой, заставляя повествование ощущаться как разговор среди посвященных.

Особенно выделяется приверженность книги ереси, а не ортодоксии, как цитирует Стивенс Чарльза Форта в своей авторской заметке: противопоставле-



Георгий Дмитриевич
Иванов



* Индолог, автор и главный редактор научно-популярного востоковедческого журнала «Южная Луна». Студент факультета искусствоведения РХГА им. Ф. М. Достоевского. Востоковед, переводчик, блогер.

¹ Wilson P. L. Scandal: Essays in Islamic Heresy. Brooklyn: Autonomedia, 1988.

ние стандартизированных объяснений нетрадиционными прозрениями. Он избегает пережевывания избитых тем вроде употребления наркотиков Берроузом или истории битников, фокусируясь вместо этого на том, как идеи Г.Ф. Лавкрафта, оргонный аккумулятор Вильгельма Райха и феномен электронного голоса Константина Раудиве повлияли на такие работы, как «Голый завтрак» и «Западные земли». В результате предлагается свежий взгляд на Берроуза как на «знахаря», сражающегося с «уродливым духом», смешивая литературный анализ с биографическими откровениями.

Хотя текст иногда предполагает знакомство с канонами Берроуза, что может стать вызовом для новичков, его энтузи-

зм и источники — от сносок до списка «рекомендуемой литературы» — делают его доступным как для поклонников, так и для исследователей. Книга объемом в 249 страниц, включает иллюстрации, кредиты и отзывы, создавая компактный, но погружающий портал в эзотерическую сторону Берроуза. Читатели, интересующиеся пересечением контркультуры и мистицизма, найдут это исследование весьма примечательным, что перекликается с мнениями таких онлайн-площадок, как Reddit и Reality Sandwich, где книгу хвалят за раскрытие ритуалов, стоящих за хаосом писателя. Рекомендуется тем, кто стремится понять Берроуза за пределами страниц его книг.

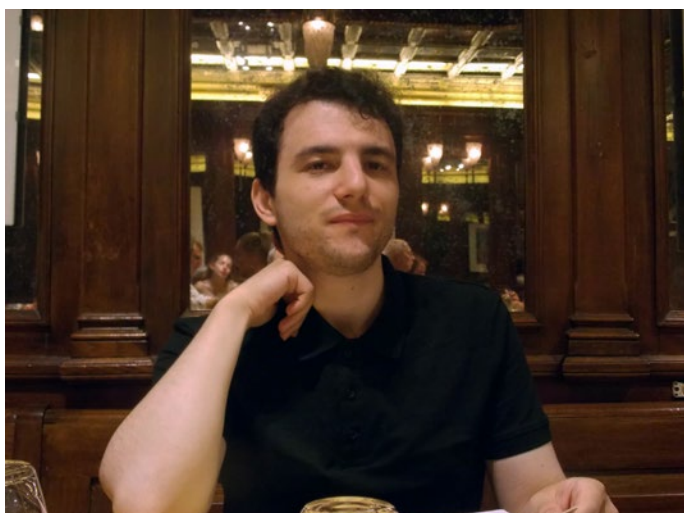


ТРУДЫ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ЧЛЕНОВ АИЭМ

Тайна «Большой колесницы» и другие «крепкие орешки»¹ «Шицзина»

М. М. Фиалко

Следующий материал был подготовлен нами в качестве введения в изучение «Шицзина» для одного научно-популярного электронного журнала летом 2021 г, но не был принят к публикации из-за «перегруженности» текста иероглификой (несмотря на отсутствие библиографии и постраничных ссылок) даже в сокращенном виде. Во вторую версию этой статьи не был включен, среди прочего, обзор содержания и истории составления «Шицзина», а также значения «пресинологии» (Л. И. Головачёва) для древнекитайской текстологии. По просьбе Н. В. Чёрной предоставляем статью в сокращенном виде для публикации в «Вестнике АИЭМ», так как она содержит ряд поэтических переводов.



Матвей Михайлович Фиалко

Едва ли какая-то другая книга в древнекитайской литературе сможет сравниться по авторитету и влиянию на последующую художественную традицию со «Стихотворным канонам», Шицзином.

Когда в начале XX-го века ушел в небытие традиционный Китай, Шицзин стал у себя на родине представлять интерес историко-культурный, однако ранее «Канон стихов» в прямом смысле слова кормил своих читателей. В «ста-

ром» Китае, где государственная служба считалась почетной обязанностью каждого образованного мужа, существовала многоуровневая система государственных экзаменов, и для получения степени, которая давала право занимать чиновничью должность с окладом, требовалось отменное знание древних канонов-цзин, и «Канона стихов» (*Ши-цзин* 詩經²) в том числе.

Это древнейшее в китайской литературе собрание стихотворений, большинство из которых было создано в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, в эпоху, носящую название «Вёсны и осени» по одноименной погодной летописи. Редактирование летописи «Вёсен и осеней», как и *Шицзина*, приписывается Конфуцию, откуда, конечно, не следует, что стихотворения эти написаны им самим. Авторство большинства стихов *Шицзина* не определено и не было известно даже в древности, учитывая, что многие его «баллады» представляли собой народные песни, которые записывали царские чиновники, проводившие на местах подобие «фольклорных экспедиций». По сооб-

щениям хроники более позднего времени, «Ханьских анналов», эти образцы народной поэзии специально собирали для тогдашнего правителя Китая, чтобы он мог «обозреть [народные] веяния и обычаи, узнать свои достижения и просчеты и, проведя работу над ошибками, настроить себя на верный лад». Наибольший художественный интерес для современного читателя представляют лирические стихотворения из первого раздела – баллады, сгруппированные по княжествам и уделам тогдашнего Китая (так называемые «Поветрия царств»³, которые включают в себя песни *Нань*). Кроме «Поветрий царств» в *Шицзин* входили придворные песнопения, *оды*, а также культовые песнопения, *гимны* – всего 305 стихотворений⁵.

Двумя основными переводами заглавия на русский язык являются «Книга песен» и «Канон стихов», причем первый вариант все более вытесняется вторым как более точным. Иероглиф *цзин* (經) обозначал «канон»⁶, а предпочтительный перевод знака *ши* (詩) – «стихи», но издревле китайская поэзия связывалась с чтением нараспев, декламацией (*сун* 誦), а «песней» (歌) некогда называлась ритмическая речь, мелодекламация (*юнь* 詠)⁷. Иногда китаисты ограничиваются транскрипцией заглавия: *Шицзин*, *Шицзин* или *Ши-цзин*.

Когда в середине второго века до нашей эры «Канон стихов», пострадавший в ходе жестоких репрессий против конфуцианцев, возрождали «по памяти», оформился ряд школ с традициями его толкования⁸ (цискай, луская и школа Хань Ина). К этим трем школам позднее прибавилась школа Мао (названная по имени ее полупоэтичных основателей Мао Хэна и Мао Чана). *Шицзин* в версии (редакции) Мао стал самым авторитетным в Китае, благодаря двум важным комментариям – авторства Чжэн Сюаня (II век н. э.) и Кун Ин-да (VI-VII в. н. э.). И так, Мао комментировал *Шицзин*, Чжэн Сюань комментировал Мао, а Кун Ин-да, в свою очередь – комментарий Чжэн Сюаня... Ряд далеко не исчерпан.

Хотя *Шицзин* существовал до Конфуция (его разделы упомянуты в комментарии к летописи Вёсен и осеней от 544 г. до нашей эры, когда Конфуций, родившийся в 551 г., был еще ребенком), он стал связываться с именем Конфуция, и последующая традиция его толкования стала конфуцианской, то есть морализаторской. Венцом традиции толкования *Шицзина* в нравоучительном ключе стал «Собирательный комментарий к *Шицзину*» пера Чжу Си (1130-1200), пера крупнейшего представителя неоконфуцианства эпохи Сун (960-1279). Такой подход к «невинным» стихам, присущий традиционному Китаю, китаеводам кажется искажающим смысл памятника. В «Истории китайской литературы» (1901) пера британского синоведа Герберта Джайлза (1845-1935) можно прочесть, что конфуцианские комментаторы «не будучи в силах разглядеть простые и безыскусные красоты этих поэм, <...> "вычитали" в сельских песенках глубокие моральные и политические смыслы».

История переводов *Шицзина* на европейские языки требует отдельного обзора. Упомянем лучшее критическое издание – прозаический перевод *Шицзина* на английский язык, выполненный одним из крупнейших синоведа XX века шведским китаеведом Бернхардом Карлгреном (1889-1978). Мы в статье будем использовать еще два перевода: английский Джеймса Легга (1815-1897) и французский Серафина Куврера (1835-1919). Карлгрен критиковал и Куврера и Легга за то, что они следовали комментарию Чжу Си, и отмечал более высокое качество английского перевода Артура Уэйли (1889-1966), однако тот не был снабжен научно-критическим аппаратом для удобства специалистов.

Полный стихотворный перевод *Шицзина* на русский язык, остающийся до сих пор лучшим, издан в 1957 г. Алексеем Александровичем Штукиным (1904-1963), учеником Василия Михайловича Алексеева (1881-1951), патриарха отечественного китаеведения XX в., который воспитал целую плеяду выдающихся китаистов. В. М. Алексеев за несколько

лет до смерти высоко оценил этот труд, удачно сочетавший поэтические достоинства и китаеведческую эрудицию. Вышедший в 2015 г. стихотворный перевод В. П. Абраменко подвергается критике, так как является стихотворным переложением «подстрочника» (в случае *Шицзина*, как мы увидим, это слово, для переводчика поэзии и так призрачное, лучше заключать в двойные кавычки), подготовленного историком китайской философии Анатолием Евгеньевичем Лукьяновым (1948-2021). Мы будем приводить примеры только из перевода А. А. Штукина (наряду с собственным), ни в чем не уступающего более новому.

«Канон стихов» оказал значительное влияние на формирование письменного языка *вэньянь*, вплоть до начала XX в. безраздельно господствовавшего в китайской культуре и понятного всем образованным китайцам того времени. Изучение этих стихов считалось долгом культурного человека, и они припоминались в самых разных случаях. Некогда сам Конфуций, устав от борьбы с обстоятельствами и неприятия его учения современниками, устроил ученикам экзамен, заставив их по очереди толковать строки из оды 234-й раздела «малые оды» под названием «Какая трава не пожухнет» (*Хэ цао бу хуан 何草不黃*)⁹:

匪兕匪虎
率彼曠野

Фэй сы фэй ху
Шуай би куан е¹⁰

Не носороги и не тигры.
По степи тащимся. Конца не видно...

Шицзин – поэтический и чаще всего рифмованный текст (хотя среди гимнов-сун встречаются песнопения в «белом стихе»), причем господствующим размером является «стих с четырьмя словами» (*сы янь ши 四言詩*). Пример возьмем из баллады 132-й *Гофэна*, «Ветер рассветный, [сокол, летящий стремглав]» (*Чэнь-фэн 晨風*):

如何如何
忘我實多

Жу хэ жу хэ
Ван во ши до

Ну как же так, как так?
Меня совсем ты позабыл.

При чтении полезно помнить о некоторой «отрывистости» оригинала, конечно, едва ли достижимой в русском языке. Большинство имеющихся переводов по сравнению с оригиналом, так сказать, «избыточнословны». В качестве обратного примера приведем первые строки баллады 48-й «В тутах» (*桑中 Сан чжун*) в переводе любимого ученика В. М. Алексеева, Юлиана Константиновича Щуцкого (1897-1938):

爰采唐矣
沫之鄉矣
云誰之思
美孟姜矣

Юань цай тан и
Мэй чжи сянь и
Юнь шуй чжи сы
Мэй Мэн Цзянь и

Сорняк рву я
В поселке Мей.
О ком тоскую?
О Цзянь моей.

Так как чтение (одно или несколько) знаков изменилось за истекшие тысячелетия, при декламации отрывков в современном чтении часть рифм теряется, а часть, наоборот, непредвиденно возникает. Для реконструкции оригинальных рифм много сделал Карлгрен. В своем критическом издании *Шицзина* он приводит транскрипцию иероглифов из песен, как они звучат в современном разговорном языке *байхуа*, а в скобках – воссозданное им (не всегда бесспорно) древнее произношение, времен создания памятника. В ряде случаев рифмы (которые мы выделяем полужирным) сохраняются в современном чтении,

как в последнем приведенном отрывке. В оригинале рифмовались и строчки из баллады 132-й – **хэ** реконструируется Карлгреном как **g'â**, а **до** – как **tâ**, а также из оды 234-й – **ху** звучало как **хо** [кхо], а **е** – как **diâ** [дьо].

Сложности при разборе стихов из этого памятника делятся на те, которые присущи любой работе с текстами на *вэньяне*, и специфичные для *Шицзина*. Тексты на *вэньяне* пишутся *не в строку* (как мы приводим отрывки для удобства), а сплошным текстом без знаков препинания, *сверху вниз*, последовательными *столбцами справа налево*¹¹. Деление древних текстов на смысловые и синтаксические единицы – вопрос, подчас окончательно не решаемый. Особенности *вэньяня* является также довольно свободный переход частей речи друг в друга и допустимый пропуск подлежащего, которое может подразумеваться. Его приходится всякий раз восстанавливать, не имея «в помощь» личных окончаний.

В этих строчках из 229-й оды *Шицзина* «Белый [темéды] цветок» (Бай хуа 白華) подлежащее (за исключением второй строчки) приходится восстанавливать по контексту:

鼓鍾于宮
聲聞于外
念子慄慄
視我邁邁

Гу чжун юй гун
Шэнь вэнь юй **вай**
Няо цзы цао цао
Ши во май **май**

В колокол бьют во дворце.
Звуки доносятся всюду.
Помню его. Грустно мне.
Милой ему уж не буду.

Иного характера специфичные для *Шицзина* сложности – обилие в нем выражений с неясным уже в древности смыслом, а также эвфонических (служащих для сохранения стихотворного метра) и восклицательных частиц, не

нуждающихся в переводе, но нередко таящихся за «значащими» иероглифами, с которыми их легко спутать. Карлгрэн отмечает:

«*Шицзин* – с филологической точки зрения очень непростой текст. Почти в каждой строчке есть слова или обороты, нечасто встречающиеся в древней литературе и уже на раннем этапе развития языка вышедшие из обихода. Из-за них образуется целый короб “крепких орешков”, которые нелегко расколоть (*so many hard nuts to crack*)».

Самый доступный русскоязычному читателю перевод А. А. Штукина, при всех своих несомненных достоинствах, является просто поэтизированным слепком целого калейдоскопа альтернативных толкований «песен», их различных интерпретаций, взаимно соперничающих не одно тысячелетие. Разгадывание таких стихотворений – увлекательное для китаеведа занятие, к тому же знакомящее со спецификой китайской поэзии.

Остановимся на одной изящной особенности «Стихотворного канона» – обилии звукоподражаний, одно из которых можно встретить уже в самом начале этого памятника. Словечки *гуань-гуань* (關關) из первой песни раздела «Поветрия царств», которая носит название «Скопа, что клекочет» (*Гуань цзюй 關雎*) принято считать звукоподражанием брачному воркованию птиц, не имеющим отношения к «прямому» значению иероглифа *гуань* (關) – «запирать, застава». Отечественный китаевед Лев Николаевич Меньшиков (1926-2005) предлагал такой перевод первого четверостишия:

Гулькают-гулькают голубь и гóрлица¹²,
Вместе на отмели сели речной.
Будет затворница девица скромница
Знатному молодцу славной женой.

Всё дело в том, что десятки звукоподражаний в поэзии *Шицзина* звучат так же, как «значащие» слова, и нуждаются в верном распознавании читателем – проблема, которой не существует в русском языке, где сложно признать самостоятельное значение за *бу-бу*, *динь-дон*,

бум-бум, дзинь-дзинь, чмок-чмок и даже хрум-хрум. Более того, такие «разгадки», принадлежащие не современным китаистам, а знатокам *Шицзина*, жившим тысячелетия назад, могут оказаться соперничающими, оставляя переводчика перед сложным выбором.

В балладе 34-й «У тыквы горькие листья», которая, как полагали конфуцианские комментаторы, описывает распутные нравы девушек царства Вэй, быстро выходящих замуж, есть строчка: «А лодочник манит, манит рукой» (招招舟子 чжао чжао чжоу цзы). Так понимают ее Карлгрен и Легг вслед за книжниками луской школы, тогда как переводы Куврёра (*Le batelier appelle à lui*) и А. А. Штукина («Зовёт перевозчик меня на беду») следуют пояснениям Мао и школы Хань Ина, для которых чжао чжао – просто подражание «призывному» голосу лодочника (нечто вроде «бу-бу»), лишённое значения.

Нельзя обойти стороной звукоподражательные поэтические достоинства *Шицзина*, иногда теряющиеся в переводах на европейские языки. Для примера приведем всего пару рифмующихся двустрочий. В балладе 83-й «Дева вместе со мной в колеснице»:

將翺將翺
佩玉將將

Цзян ао цзян **сян**
Пэй юй цзян-цзян

Мы погуляем с ней. И будет вольною прогулка эта!
Динь-дон – бренчат на поясе девицы са-моцветы.

Обратим внимание на омонимию (одинаковое звучание) цзян (將): в первой строчке цзян является частицей, служащей показателем будущего времени, а во второй цзян-цзян – уже подражание звону яшмовых подвесок на поясе (пэй-юй 佩玉) девушки – дзинь-дзинь!

Баллада 104-я открывается описанием статных коней и роскошной кареты:

載驅薄薄
簞莛朱鞞

Цзай цюй бо-бо
Дянь фу чжу ко

Конями правят, лихо мчатся те – копыта цок-цок-цок!
Кареты верх – бамбук, обитый алой кожей – передок.

В данном примере бо-бо передает цокот копыт и не имеет отношения к прямому значению иероглифа бо (薄) – «тонкий, слабый, нежный, разреженный».

Чтобы лучше понять, сколь непростое дело и перевод и разбор стихов *Шицзина*, обратимся к балладе 73-й из под названием «Большая колесница» (Да чэ 大車):

大車檻檻 | 毳衣如菼
豈不爾思 | 畏子不敢
大車噶噶 | 毳衣如璫
豈不爾思 | 畏子不奔
穀則異室 | 死則同穴
謂予不信 | 有如皦日

Да чэ цзянь **цзянь** Цуй и жу **тань**
Ци бу эр сы Вэй цзы бу **гань**
Да чэ тунь **тунь** Цуй и жу **мэнь**¹³
Ци бу эр сы Вэй цзы бу **пань**
Гу цзе и ши Сы цзе тун **сюэ**
Вэй юй бу син Ю жу цзяо **жи**¹⁴

Вначале приведем перевод А. А. Штукина:

Колесница большая грохочет – гремит на пути,
В ней зеленой осокой дворцовое платье блестит.
Разве я не стремлюсь и душою и думой к тебе?
Да боюсь я тебя и не смею к тебе подойти.
Ехал медленно ты – колесница твоя тяжела,
И одежда твоя, точно алая яшма, была.
Разве я но стремлюсь и душою и думой к тебе?
Да тебя побоялась – с тобою бежать не могла.

*Хоть с тобою, мой милый, и в разных
домах мы живем,
Мы умрем и могилу разделим под об-
щим холмом.
Если скажешь, любимый, что сердцем
неискренна я –
Светлым солнцем клянусь: правда в
любящем сердце моем!*

От чьего лица поется эта баллада? Традиционно считается, что от лица девушки, которая боится бежать с человеком в «дворцовом платье», но клянется ему в любви до смерти. Той же точки зрения придерживается А. А. Штукин, добавляя в примечании:

*Переводчик считает, что в песне по-
ется о девушке, которая не решается
бежать с тем, кто, одетый в дворцовое
платье, сидит в колеснице для царских
сановников. Нерешительность той, от
чьего лица поется песня, вполне понят-
на. Многие песни «Шицзина» говорят о
печальных для девушки последствиях
такого поступка.*

Знак *цзы* (子) в строчке *вэй цзы бу гань* в рамках этой трактовки понимается как обращение героини к обольстителю: «Да боюсь я тебя (子)» у А. А. Штукина. Либо же, как у Куврёра, *цзы* обозначает высокопоставленного царского наместника *дафу* (大夫), и смысл строчки понимается: «Страх перед наместником мешает мне уйти к тебе (*La crainte du préfet m'empêche d'aller à toi*)». Почти так же понимает ее Легг: «Перед этим служителем я трепещу, убежать я не смею (*But I am afraid of this officer, and dare not*)».

С такой интерпретацией совершенно не согласен крупнейший знаток *Шицзина* в западной синологии Карлгрен. Его смущает строчка, которая в переводе А. А. Штукина звучит: *Мы умрем и могилу разделим под общим холмом*. Ее произносит героиня, которую обольщают?.. «Чистой воды бессмыслица» (*sheer nonsense*), пишет Карлгрен, поясняя:

«Как женщине позволяют быть похороненной в могиле мужчины, ею отвергнутого (потому что она отказалась с ним

бежать – М. Ф.)? За которым никогда не была замужем, с которым никогда не жила?».

Карлгрен считает, что баллада, наоборот, поется от лица мужчины, соблазняющего женщину побегом. Шведский синолог многозначный иероглиф *цзы* также понимает как обращение, но уже обращение *мужчины к девушке*. Тогда четвертая и восьмая строчка значат: «Боюсь, что смелости не хватит у тебя [бежать со мной] (*畏子不敢 вэй цзы бу гань*)» и «Боюсь, что ты не убежишь (*畏子不奔 вэй цзы бу пань*)». В древнекитайском языке для выделения придаточных в таких предложениях используется частица *чжи* (之), а за глаголом *вэй* (畏), «страшиться», обычно следует прямое дополнение, но Карлгрен приводит пример с *вэй*, за которым сразу идет придаточное, из оды 230-й под названием «[Щебечет она] чик-чирик» (縣蠻 *Мяньмань*)¹⁵: «Боюсь, до конца путь пройти не смогу» (*畏不能極 вэй бу нэн цзи*). Двустилишие в переводе А. А. Штукина:

Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что мне до конца не дойти.

Да, как это ни курьезно, в древнекитайском языке *Шицзина* «Боюсь тебя, не убеги (*вэй цзы бу пань 畏子不奔*)» и «Боюсь, что ты не убежишь (*вэй цзы бу пань 畏子不奔*)» могут оказаться идентичными строчками!

Если стихи – монолог мужчины, то зловеще звучат две строчки в начале третьего четверостишия, которые можно понять так: «Пока живем – в покоях разных. Могильный ров – один двоим». И угроза и мрачное пророчество: пусть в жизни не вместе, в разных покоях (*異室 и ши*), но все равно в одном могильном рву. Карлгрен полагал, что слова героя невиннее и обыденнее, чем может показаться. Мужчина предлагает женщине бежать, обещая, что она будет жить на положении жены, то есть у нее будут отдельные покои (*異室 и ши*). Чувствуя, что героиня может сомневаться в искренности его слов, он клянется, пытаясь ее убедить: «Да это ясно, как солнце!» (*有如皞日 ю жу*

цзяо жи).

Как бы выглядел перевод баллады, если взять на вооружение толкование Карлгрена (на наш взгляд, предпочтительное)? Возможно, так:

Скрипит-грохочет колесница! Наряды
зелены – камыш!
Не о тебе ли мои мысли? И дрожь в
душе – не убежишь?
Скрипит-грохочет колесница! Наряды
алы – самоцвет!
Не о тебе ли мои мысли? Решишься ты?
Неужто нет?
Живем – покой тебе отдельный, могиль-
ный ров – один двоим.
Ты говоришь, что мне не веришь? Кля-
нись я солнцем золотым!

В ряде случаев затруднения в понимании отрывков не чисто текстологические, а смысловые, связанные с альтернативной интерпретацией образов памятника. Для примера возьмем оду 189-ю под названием «[Величав] сей поток» (Сы гань 斯干), у А. А. Штукина озаглавленную: «Новый дворец», которая воспеваает постройку нового дворца государем из правящей династии Чжоу Сюань-ваном, занимавшим престол в 827-782 гг. до н.э., и грядущую безмятежную жизнь в нем самого его владыки (цзюнь цзы 君子)¹⁶. Присущая Шицзину проникновенно-наглядная поэтическая образность ярко проявляется в четвертом пятистишии оды, к которому мы обратимся:

如 跂 斯 翼
如 矢 斯 棘
如 鳥 斯 革
如 翬 斯 飛
君 子 攸 躋

Жу ци сы и
Жу цзи сы цзи
Жу няо сы гэ [→гы]
Жу хуэй сы фэй
Цзюнь цзы ю цзи¹⁷

С подробным разбором всего отрывка можно ознакомиться в книге Карл-

грена. Мы приведем перевод «пятистишия» вначале в ритмизированной прозе «подстрочника»:

Ввысь устремлен, будто на цыпочки
встав,
Быстр, пронзителен он, подобно стреле,
Он – словно птица, что крылья
расправит¹⁸,
Как будто фазан, он летит –
Сюда-то наш барин вбежит.

К чему отсылают эти яркие образы? Комментаторы утверждали, что к величаво-устремленной ввысь фигуре дворца, и подобное толкование стало в китайской культуре общепринятым. В китайском языке есть устоявшееся выражение (чэн-юй 成語) 鳥革翬飛 (няо гэ хуэй фэй, в упрощенном написании: 鸟革翬飞): «[как] птица крылья расправит [и словно] в полете фазан», служащее для описания величественного строения. К этому же отрывку из Шицзина восходит архитектурный термин «тип “летающий фазан”» (хуэйфэйши 翬飛式), который обозначает «крыльевидное» здание с приподнятыми углами крыши. Так понимают смысл пятистишия Легг и Куврёр, а позднее и А. А. Штукин:

Дом, как почтения полный, встает,
Горд, как стрела, что стремится вперед;
Кровля – как будто фазана полет,
Как оперение птицы ярка!
Наш государь во дворец свой войдет.

Карлгрен считал, что описание лучше соответствуют иной картине – вдохновенной устремленности, с которой в новый дворец вбегают сам его полный сил полноправный обитатель. Стихотворный перевод с сохранением рифм оригинала, реконструированных Карлгреном (схема конечных рифм пятистишия – *aaabb*), мог бы выглядеть так:

Ввысь устремлен всем телом,
Стрелой пронзительной и смелой,
Крыло расправившею птицею умелой,
Фазаном, чей стремителен полет,
Вбежит сюда наш господин – его черед.

«Стихи» (詩 *ши*), вошедшие в китайский «Канон» (經 *цзин*), лишены вычурности, но таят в себе вечную загадку, допуская самые разные толкования и словно подстраиваясь под читателя. Даже в одной капле в океане *Шицзина*, в которую мы всмотрелись в этом вводном очерке, заметна величавая безыскусность, снискавшая ему заслуженную славу.

Некоторые работы на русском языке, доступные в электронном виде

О переводе Шицзина как научном и человеческом подвиге А. А. Штукина можно прочесть в [статье](#), написанной к его 90-летию юбилею в 1994 г. дочерью академика Алексева Марианной

Васильевной Баньковской (1927-2009).

Введение в историю и текстологию Шицзина предлагает [ряд статей](#) А. И. Кобзева, написанных после выхода в 2015 г. нового стихотворного перевода В. П. Абраменко. Мы стремились разобрать те стихи, которые остались за пределами этой статьи А. И. Кобзева.

Конфуцианская наука толкования классических канонов (經學 *цзинсюэ*), и «Канона стихов» в частности, стала предметом [диссертации](#) О. А. Бонч-Осмоловской, защищенной в СПбГУ в июне 2021 г. (по ссылке доступна сокращенная версия работы, от 2019 г.).

¹ Выражение принадлежит Карлгрену (см. текст статьи).

² Транскрипция иероглифов в современном чтении, но без указания тона в разговорном языке, нами приводится по принятой в отечественном китаеведении системе архимандрита Палладия (Петра Ивановича Кафарова, 1817-1878). Она использована в «Полном китайско-русском словаре», вышедшем в 1888 г. под редакцией П. И. Кафарова и Павла Степановича Попова (1842-1913), и век спустя, почти без изменений (слог юэ стал передаваться как юэ), в «Большом китайско-русском словаре» (БКРС), опубликованном в 1983 г. под редакцией Ильи Михайловича Ошанина (1900-1982). Все приведенные иероглифы, освоив правила поиска знака по ключу или четырем углам, можно найти в БКРС, который доступен в электронном виде. В транскрипции, по устоявшемуся обыкновению, пишется слог хуэй вместо стандартного варианта без «э».

³ Устоявшийся перевод этого раздела Шицзина, который в оригинале носит название Го фэн (國風), «Нравы царств» (А. А. Штукин), не сохраняет прямого смысла иероглифа фэн (風), «ветер», тогда как стихи Шицзина являли государю именно «веяния» народных нравов. Варианту «Веяния царств» (В. М. Алексеев, Л. Н. Меньшиков) можно предпочесть близкий перевод: «Поветрия царств».

⁴ В китаеведении во второй половине XX в. устоялось мнение, что в древности иероглиф нань (南) обозначал не географический юг, а разновидность колокольчика, музыкальный инструмент у «южных варваров». Следы такого «музыкального» значения нань остались в Шицзине. Ода 208-я, озаглавленная «В колокол бьют» (古鐘), кончается строками:

笙磬同音
以雅以南
以籥不僭

Шэн цин тун ин [jət → янь]

И я и нань

И юэ бу цзянь

Нам кажется предпочтительным такое понимание отрывка:

*Органчик и гонг звуки свои воедино сливают!
В колокольчик [звонят], на погремушке [играют],
[Дуют] в свирели – а меры [напев] не нарушает.*

Иначе у Карлгрена и А. А. Штукина, которые считают я и нань здесь названием разделов Шицзина, отрывая их от оформленной тем же служебным словом и (以) свирели-юэ, перечисленной следом за ними.

⁵ Общее число стихотворений (без учета тех, от которых дошли только заглавия) во всех разделах Шицзина, триста пять, укоренено в китайской нумерологии. Оно связано с понятием троичности и пятеричности (сань у 參伍) – биномом, впервые отмеченном (в качестве обозначения двух созвездий, из трех и пяти звезд) также в «Каноне стихов», в балладе 21-й под названием «Звездочки» (小星 *Сяо син*). Подробный разбор пространственно-числового строения (нумерологической архитектоники) Шицзина см.: Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1994. С. 256-260.

⁶ Точное значение термина цзин как организующей тексты девятичленной сетки (квадрата 3*3) было определено в выдающемся труде отечественного китаеведа Владимира Семеновича Спирина (1929-2002) «Построение древнекитайских текстов» (1976).

⁷ Патриарх польской и российской синологии Станислав Кучера (1928-2020) остроумно замечал в примечаниях к своему переводу трактата «Чжоуские ритуалы» в 2010 г., что гэ могло означать «если угодно, и тогдашний рэп». Одна из этимологий знака ши (詩), привычно переводимого «стихи», видит в нем не ключ «речь» (言) с фонетиком ши (寺), а смысловой бином, то есть ритмически организованную (寺) речь (言).

⁸ Подробнее о школах толкования Шицзина можно узнать из диссертации О. А. Бонч-Осмоловской, ссылка на которую дана в конце статьи.

⁹ Рассказ содержится в главе 47-й «Исторических записок» Сыма Цяня. В задачу нашей небольшой вводной статьи не может входить сколько-нибудь полный обзор роли Шицзина в наследии Конфуция. В качестве популярной биографии Конфуция на русском языке можно порекомендовать книгу отечественного китаиста Александра Степановича Мартынова (1933-2013) «Конфуцианство: Классический период» (2001).

¹⁰ Отрывки из Шицзина приводятся по Карлгрену: The Book of Odes / Chinese Text, Transcription and Translation by Bernhard Karlgren. Stockholm: The Museum of Far Eastern Antiquities, 1950. Комментарии по его же изданию: *Karlgren B. Glosses on the Book of Odes.* Stockholm: The Museum of Far Eastern Antiquities, 1964.

¹¹ Китайские интеллектуалы эпохи Цин европейское горизонтальное письмо называли с оттенком пренебрежения и превосходства «крабьими письменами» (蟹文 се-вэнь) или «письменами, идущими бочком, по-крабьи» (蟹行文字 се-син вэнь цзы, в переносном смысле: «косыми, кривыми, коварными»).

¹² Примечателен разноречивостью в названиях птиц (вероятно, цзюй-цзю 雉 – это самец и самка скопы) в переводах: у А. А. Штукина – селезень с уткой, у Марселя Гране – чайки, и т.д. В переводе на современный китайский язык Е Мана (野莽) они изящно пояснены просто как «водоплавающие птицы» (水鳥 шуй няо).

¹³ Рифма тунь с мэнь была в оригинале: слог тунь реконструируется как t'wen, а мэнь – как m'wen.

¹⁴ Сюэ рифмуется с жи, потому что сюэ Карлгреном реконструируется как g'iwet, а жи – как n'iet.

¹⁵ В данном случае мы следуем принятому А. А. Штукиным и Куврёром пояснению Чжу Си, для которого мянь-мань является подражанием птичьему щелчку. Карлгрен и Легге вслед за Мао считают мянь-мань характеристикой сублимной наружности птички (小鳥貌 сяо няо мао): «Собою мала желтая пташка». Пытаясь нащупать связь первого компонента мянь-мань с производным значением мянь (緜, «вата, хлопок» → «нежный, слабый»), Карлгрен признает, что необъясненным остается смысл второго, мань. Близко Мао мянь-мань понимает цискакая школа (вместо мянь читая минь 緜 «тонкая лёска», что дает минь-мань 緜蠻, «слабый, как птенец»), у Хань Ина же мянь-мань – обозначение пятнистого облика (文貌 вэнь мао) пташки.

¹⁶ Это неоднократно встречающееся в Шицзине обозначение супруга, суженого или господина (в переводе первой песни Л. Н. Меньшикова, приведенном нами выше, оно передано как «знатный молодец»), в конфуцианстве стало именованьем образцового «благородного мужа» (цзюнь цзы 君子).

¹⁷ Слова рифмуются, потому что фэй восстанавливается Карлгреном как p'iwet, а цзи – как ts'ier.

¹⁸ По комментарию Мао. По Чжу Си было бы: «[Словно] птица – вспугнешь, и переменится [вмиг] (如鳥之警而革 жу няо чжи цзин эр гэ)». Легг, домысливая Чжу Си: «Как птица, что оперенье сменила».



ВПЕЧАТЛЕНИЯ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

В поисках просветления: изнанка монастырской жизни

Райт Джесси



Джесси Райт

В июле 2025 я приняла участие в программе монастырской жизни *Wooden Fish* и месяц жила в корейском монастыре Вольджонса. Распорядок здесь строгий: день начинается в 4:30 утра и заканчивается в 9 вечера. В это время ученики занимаются дыхательными

практиками, медитируют, слушают лекции по философии буддизма, посещают культурный класс, беседуют с монахами и поют сутры. Один из таких дней я и решила описать в этом репортаже.

Тук-тук-тук, – за плотной бумажной ставней слышится тихий стук деревянной рыбы¹, условный сигнал «Подъем!». Вслед за ним по очереди просыпаются будильники, и вскоре наш ханок² наполняется страдальческими причитаниями. В домике нас шестеро, я – единственная россиянка. Я сплю между двумя девочками из Кореи – Мин-Хо и Су-Мин, им ранние подъемы даются особенно тяжело. В комнате немного зябко, ночью шел дождь. Вставать не хочется – хоть мы и спим на полу, по утрам это самое мягкое и теплое ложе на свете. Я выключаю будильник и решительно стягиваю одеяло, на часах уже 4:30, а на сборы всего полчаса.

Душ на всех только один, поэтому лучше не разлеживаться. Я натягиваю униформу – безразмерные белые панталоны и рубашку в китайском стиле. Неловко цепляю соседнюю вешалку – и запасной комплект с грохотом валится к неудовольствию Мин-Хо – теперь-то, она, кажется окончательно проснулась.

Суету утренних сборов прерывает шорох раздвижных дверей. В щели сперва показывается недавно побритая голова, а затем и рука с клочком бумаги, на ко-

* Магистр религиоведения, выпускник образовательной программы «Исследования мистико-эзотерических учений» в РХГА им. Ф. М. Достоевского. Научные интересы: рерихианство, восточный эзотеризм, мистический символизм в популярной культуре. Член АИЭМ, г. Санкт-Петербург.

¹ Маленький деревянный щелевой барабан, который используется в буддийских монастырях для поддержания ритма во время медитаций и молитв.

² Традиционное корейское жилище.



Ханоки очень красивые и уютные!

тором выведено «5 minute» – это Ханна из соседнего ханока пришла напомнить, что пора поспешить. Разговаривать до окончания завтрака нельзя – после вечернего пения и до следующего утра полагается соблюдать «благородную тишину» – размышлять, медитировать и спать, но в нашем домике это правило соблюдается спустя рукава.

Солнце еще не встало, но монастырь Вольджонса уже проснулся – из главного храма раздаются песнопения и слышатся приглушенные удары гонга. Я вешаю на шею бейдж с именем, и выхожу на крыльцо – бетонные плиты сырые, а лес за стеной еще стоит в тумане. В домике напротив царит суэта, девочки в спешке натягивают униформу и собираются на зарядку. Пахнет сырým деревом. Я сажусь на влажное крыльцо и сую ноги в кроссовки – противные и мокрые. Ну почему я не занесла их на ночь в дом!

Тренировка проводится ровно в пять утра. Каждый день, и никакие «не могу», «не хочу» или «устал» не принимаются. Можешь, не можешь – а изволь постро-

иться и практиковать тайцзи, цигун и элементы кунг фу. Нас тренирует Дени – волонтер из Чехии и преданный фанат Брюса Ли. Поговаривают, что он даже тренировался в монастыре Шаолиня.

Вместо классической формы волонтеров, которая отличается от нашей лишь красным цветом кантика, Дени щеголяет в лиловом костюме с желтым поясом. Он уже стоит на площадке, цепким взглядом озирая собравшихся. Девочки и мальчики строятся друг напротив друга в шахматном порядке, у каждого свое место. Стараясь быть незаметной, я тоже встаю в ряд. Фух! Успела. Опоздунов Дени не любит, в последний раз грозился заставить их приседать. Так что от греха подальше лучше быть вовремя. Последней неуклюже прибегает Мин-Хо – запыхавшись, встает в строй и поправляет чуть запотевшие очки. Дени на пару секунд задерживает на ней осуждающий взгляд, но все же воздерживается от наказания:

— Все на месте? – ответственные со стороны девочек и мальчиков пересчитывают собравшихся и утвердительно кивают. – Хорошо. Доброе утро!

Мы начинаем с дыхательной практики – Дени делает упражнения вместе с нами и параллельно комментирует, как энергия Ци проходит по меридианам тела. Простые наклоны и приседания сменяются экзотичными позами из китайских боевиков. Я встаю на цыпочки, вытягиваю кисти вперед и оттопыриваю большие пальцы, стараясь повторять за Дени, но тут же теряю равновесие и заваливаюсь вперед. Иногда кажется, что Дени забывает, что не все тут на короткой ноге со спортом. Парни занимаются напротив, и я с любопытством наблюдаю, как тяжело бедолагам дается растяжка.

С каждым наклоном бейдж, заправленный в рубашку, выскакивает и колотит меня по лбу. Взгляд падает на часы – черт, прошло только десять минут! Я встречаюсь глазами с Роем, парнем из Австралии, и от скуки корчу ему рожу – он улыбается и кривит лицо в ответ. Так мы каждый день сигнализируем друг другу о тяжести утренних тренировок.

Заниматься становится повеселее.

Наконец заготовленный Дени комплекс упражнений подходит к концу, и приходит время первой короткой медитации. Мы рассаживаемся на деревянных настилах вокруг ханокв, стоящих по краям площадки, и закрываем глаза.

Я слышу рокот горного потока за стенами монастыря, слышу шум ветра в вершинах сосен, и ощущаю запах смолы. Несмотря на то, что мы медитируем каждый день, поймать правильное состояние все равно сложно. Я считаю вдохи и выдохи, стараюсь сосредоточиться на дыхании.

«Для медитации вам не нужны храмы, – в самом начале наставляла нас Достопочтенная Ифа, основательница программы монастырской жизни Wooden Fish. – Все необходимое у вас уже есть. Нос – вот ваш персональный храм! Дышите, следите за дыханием – больше от вас ничего не требуется!» Но легко это лишь на словах – медитация требует постоянного напряжения ума. Стоит на секунду отвлечься, подумать «Вау, да у меня получается!» – и все пропало, начинай с начала.

До меня долетают шаги и шепот волонтеров – Дени зовет дежурных по кухне, им можно уйти пораньше, чтобы подготовиться к завтраку. Перед каждым приемом пищи они забирают кастрюли с едой с кухни, а потом работают на раздаче. Кухонные команды меняются каждые три дня. К счастью, сегодня не моя очередь.

Я спускаюсь по лестнице в холл для медитаций – там мы обычно собираемся перед завтраком, а потом строимся в две шеренги и идем к своим местам в классной комнате. Раздается мелодичный звон колокольчика, а значит пора



Вот тут мы каждое утро строились и тренировались, правда, вместо Дени на фото Достопочтенная Ифа

поспешить. Я хватаю набор из четырех деревянных пиал, и тороплюсь занять свое место в строю.

— Вей щин! (повернись) – командует дежурная на китайском – шеренги девочек и мальчиков поворачиваются лицом друг к другу и поднимают пиалы на уровень лба. – Джубан! (поклон) – мы синхронно склоняем головы, и идем друг за другом к своим местам. Зал вибрирует от топота, который приятным гулом отзывается где-то в солнечном сплетении.

Дежурные по кухне уже на своих местах – построились в шеренгу возле стенки и наблюдают за нами. Проходя мимо кастрюль, я замечаю поднос с вареными яйцами и радуюсь – в традиционном монастырском рационе пищи животного происхождения нет, но для нас делают исключение.

Мы рассаживаемся и расставляем пиалки – у каждой свое, строго определенное место на столе и назначение. Большая предназначена для овощей и закусок, средняя – для риса, маленькая – для супа, а самая крошечная – для воды. Перед каждым приемом пищи мы поем мантру благодарности. Петь приходится на китайском – поначалу было тяжело даже несмотря на текст перед глазами,



А вот так происходит раздача еды - общаться с дежурным нельзя, даже если несут что-то очень вкусное. Только сигналы палочками!

но за пару недель я пообвыклась.

По монастырскому этикету переговариваться за столом нельзя, смотреть на разносчиков – тоже. Хочешь добавки – сложи палочки для еды и поставь их под углом в пиалу, а если блюдо не по душе – положи сверху. Но если несут что-то вкусное, например, жареный тофу, я забываю про этикет и активно прошу глазами добавку.

Монастырское меню однообразное, но вкусное – обычно предлагают несколько видов закусок, рис и суп. Сегодня на завтрак кимчи, жареные баклажаны, тушеные водоросли и тофу. Каждое блюдо разносчики предлагают дважды, поэтому голодным точно не останешься. Мне повезло – досталось два вареных яйца! Я прячу их по карманам на будущее, и оглядываю классную комнату – ребята едят медленно, но вставать из-за стола пока нельзя – нужно обязательно дождаться благодарственного песнопения.

После утренней трапезы начинаются лекции об истории и философии буддиз-

ма. Их ведет Питер, в прошлом – выпускник программы Woddenfish, а теперь – профессор в университете Калифорнии. Еще он немного бунтарь – игнорирует униформу и ходит в гражданской одежде. Мне не впервой учиться на английском, но все равно каждая лекция – это вызов. Нам запрещено приносить телефоны в аудиторию, а значит, и переводчиком при случае не воспользоваться, поэтому незнакомые слова я выписываю в тетрадку. Время от времени меня охватывает чувство зависти – несмотря на то, что в программе в этом году принимают участие ребята из 25 стран, английский для многих родной.

Питер говорит четко и понятно, несмотря на американский акцент. Не проглатывает по половине слова, не тараторит слишком быстро – при желании смысл уловить можно. Но ближе к середине второй пары моя голова сама ложится на сложенные руки. Я смотрю на часы – до конца еще минут 40. Не спать! Не спа... Веки тяжелеют, история о буддийской космологии звучит как будто издалека, и вот уже перед глазами проносятся яркие и бессвязные образы.

Из объятий Морфея меня выхватывает скрежет отодвигаемых стульев – пара закончилась, а значит наступает моя любимая часть дня. Жизнь студентов Wooden Fish подчинена строгому ритму, и свободного времени у нас мало – час после обеда и полтора – перед ужином. Это время можно потратить на сон, стирку, прогулку по территории или чтение, но я всегда выбираю сон. После обеда и благодарственных песнопений, я первой выскакиваю из классной комнаты, ополаскиваю набор посуды и возвращаюсь в ханок, где уже ждут телефон и уютный матрас. Постепенно возвращаются и остальные – Су-Мин любит сидеть в телефоне, Лакшми переодевается и уходит на прогулку, а Мин-Хо устраивается на крыльце с книгой. Меня тоже манит телефон – наверняка там уже вышла новая серия аниме про осьминога-пришельца, но сон побеждает.

Обязательная часть нашего распорядка – медитации. Их ведет моя однокурс-

ница Полина – в прошлом году и она была студентом Wooden Fish, а теперь вернулась как преподаватель. После дневного сна мы собираемся в Зале для медитаций – громандом и пустом. Его стены похожи на золотые соты и украшены крохотными фигурками Бодхисаттв. Однажды я пробовала посчитать их, но сбилась на первой тысяче.

Я беру пару подушек и устраиваюсь поближе к вентилятору – от утренней прохлады давно не осталось и следа, а солнце нещадно изжаривает все живое даже в тени. На такой жаре понимаешь всю благодать нашей безразмерной белой униформы – в своей привычной одежде я бы уже растеклась черной лужицей на полпути от ханок.

Звенит колокольчик, и Полина начинает урок. Медитация длится 40 минут, еще 5 отводится на вопросы и впечатления. Мы рассаживаемся по своим местам – девушки в левой половине зала, юноши – в правой.

Перед медитацией обязательно нужно размяться, иначе от статичной позы заболит спина или колени. С непривычки провести почти час в позе лотоса тяжело – каждый затекший сустав, каждая сведенная мышца сразу кричат о себе, концентрация теряется, а медитация превращается в бесполезное просиживание штанов.

— ... А теперь сделайте глубокий вдох, – уверенный и спокойный голос Полины овладевает пространством. – Садитесь удобнее и отпустите посторонние мысли. Сосредоточьтесь на дыхании. Вдооох... И медленный выдох... – ее голос ведет и направляет, с помощью Полины мне проще поймать нужный настрой.

Как и утром, я считаю выдохи и вдохи. Существует множество техник успокоения ума – можно

представлять светящуюся точку, огонь или фигуру Бодхисаттвы, но нам советуют обходиться без помощи фантазии и просто наблюдать, как воздух входит внутрь и выходит обратно. «Нос, вот твой храм», – вспоминаю я слова Достопочтенной Ифы.

Если все делать правильно, то ощущение времени теряется, и кажется, что тело спит, а разум бодрствует. Мое «я» словно отправляется в путешествие, и перед мысленным взором возникают образы, словно кто-то тянет меня невидимой рукой из одной сцены в другую. Мне кажется, что я слышу шуршание шагов, а вокруг ходят монахи в нарядных красных одеяниях.

Но такое случается со мной редко – и каждые десять минут мне хочется почесаться, потянуться, пошевелить немеющей ногой или поменять положение рук. Мысли о физическом дискомфорте мгновенно возвращают меня обратно в реальность, и приходится начинать заново. Снова и снова.

— Можете открыть глаза, – вновь слышится голос Полины. – Осторожно разомните суставы... Не спешите, почувствуйте свое тело.

День в монастыре всегда завершается чантингом – пением сутр. Мы вновь



Бодхисаттв и правда очень много, а колени в позе лотоса сильно болят. Но мы держимся!

собираемся в холле для медитаций и рассаживаемся на футоны, а дежурные раздают ламинированные картонки с текстами. Все сутры мы поем на корейском вместе с монахом – Кван-Хён сунимом³. А вот и он – входит, застенчиво опустив взгляд. Суним молод и красив, и даже серая монашеская роба и гладко выбритая голова не могут скрыть его обаяние. Когда Кван-Хён начинает петь, я недоумеваю – как он попал в монастырь, а не на сцену?

Он садится перед нами в позу лотоса и достает деревянную рыбу – маленький щелевой барабан, с помощью которого суним задает ритм и сигнализирует о моментах, когда нужно поклониться. В нашем репертуаре всего три сутры, но испытание чантинга состоит в том, чтобы пропеть их много, много раз подряд.

Пение начинается с поклона – так мы выражаем свое почтение Будде и исполняем сутру в его честь.

— Сакьямуни Бул, Сакьямуни Бул, – громко поет Кван-Хён, и отстукивает ритм. Я начинаю с воодушевлением, но минут через десять выдыхаюсь. Повторение одной и той же строчки погружает в монотонное вязкое состояние, и я чувствую, что еще немного, и натру на языке мозоль. Чтобы убить время, я начинаю считать, сколько раз сегодня мы прославили Будду. За двадцать минут бесперебойного повторения набирается 126 раз.

Суним трижды бьет в барабан, и мы совершаем постирание – опускаемся на колени, а затем наклоняем корпус, вытягиваем вперед руки ладонями вверх и касаемся лбом пола. Следующей исполняется сутра Принятия трех драго-

ценностей – ее текст гораздо сложнее, и даже спустя две недели практики мне не удастся с точностью воспроизводить корейские слова. К счастью, исполняем мы ее только один раз за вечер.

После еще трех постираний Кван-Хён пододвигает большой расписной барабан – а значит, пришло время для исполнения Сутры Сердца. Он всегда исполняет ее с особой страстью и рвением, и его воодушевление передается нам – эта сутра моя любимая.

— Маха банья барамилта, – суним отбивает ритм на каждом слоге, и эта волна звука пронзает меня насквозь. Я ощущаю, как открывается второе дыхание.

— ... му му мён мён, му му мён джин, – синхронно вторит класс, и я растворяюсь в этом ритме, чувствуя радость единения с нашей сангхой⁴. Оставшиеся полчаса пролетают незаметно, так, что я даже забываю считать, сколько раз прозвучала сегодня сутра Сердца.

Когда барабан замолкает и мы кланяемся в последний раз, над монастырем уже сгущаются сумерки. Я с облегчением покидаю класс и вдыхаю вечернюю прохладу. Небо после заката лилово-красное, такое, что даже домой не хочется. Я сажусь на деревянный настил возле нашего ханока и смотрю вдаль – на облака, небо, черепичные крыши и горы. Везде – и никуда одновременно. В голове пусто и чисто – я больше не чувствую ни страха, ни навязчивых мыслей – только тишину. И я слушаю эту тишину. Вдыхаю запах смолы, смотрю, как охотятся летучие мыши. В этот момент кажется, что время застыло, а мир продолжает жить где-то далеко-далеко, но уже без меня.

³ Суним - учитель на корейском.

⁴ Община буддистов.

ДЕВЯТЬ МУЗ

ТВОРЧЕСТВО ЧЛЕНОВ АИЭМ

Фиалко Матвей Михайлович. Перевод фрагмента из касыды арабского поэта-суфия Ибн аль-Фарида.

Этот поэтический перевод отрывка из касыды арабского поэта-суфия Ибн аль-Фарида (1181-1235) был подготовлен нами в ноябре 2020 г. во время редактуры книги Дени де Ружмона (1906-1985) «Любовь и западный мир» (1939, 1972) и предназначался для печати. Перевод Ружмона в нашей редакции и с примечаниями так и не вышел. По просьбе Н. В. Чёрной мы решили выбрать отрывок для «творческого» раздела «Вестника АИЭМ».



Народ дивится! С хитрецою глядя на
влюблённого безумца,

Твердят: «И кто ж тому виной, что
страстью повредился ум?».

Какие же слова мне о себе сказать?
Возможны только эти:

«На Ну'м помешан он...». О да, ведь в
мыслях только Ну'м!

«Не поминай при нас того, – твердят
все женщины в округе, –

Кто нас презрел, гордец! Теперь пре-
зрен и полон тяжких дум».

Пусть счастья Су'да не судит, а
Джумль не сжимает нежно...

Мне что? Ну, умница хотя бы раз
взглянула только – Ну'м!

تَبَالَه قَوْمِي إِذ رَأَوْنِي مُتَيِّمًا

وَقَالُوا بِمَنْ هَذَا الْفَتَى مَسَّهُ الْخَبْلُ

وَمَاذَا عَسَى عَنِّي يُقَالُ سِوَى غَدَا

بِنُعْمٍ لَهُ شُغْلٌ نَعْمٌ لِي بِهَا شُغْلُ

وَقَالَ نِسَاءُ الْحَيِّ عَنَّا بِذِكْرِ مَنْ

جَفَانَا وَبَعْدَ الْعِزِّ لَدَّ لَهُ الدَّلُّ

إِذَا انْعَمَتْ نُعْمٌ عَلَيَّ بِنَظْرَةٍ

فَلَا أَسْعَدْتُ سَعْدَى وَلَا أَجْمَلْتُ جُمْلَ

Перевод, как и сам отрывок, требуют пояснения. По замечанию Ружмона, «"Ну'м" служит условным именем любимой женщины, обозначая здесь Бога. Равно и трубадуры называли Даму своих чаяний условным именем сеньяль» (Nou'm est le nom conventionnel de la femme aimée, et signifie ici Dieu. Or les troubadours nommaient aussi la Dame de leurs pensées d'un nom conventionnel ou senhal). Дело обстояло чуть сложнее, чем описывает Ружмон, но интуиция его не подвела. В приведённом выше отрывке касыды женские имена на арабском Су'да, Ну'м и Джумль служат для аллитерации, что становится ясно при прочтении вслух оригинала (в нашем стихотворном переводе это передано и подчеркнуто выделением имён и игрой слов): иза ан'амат Ну'мун 'алли би назарин | фа ля ас'адат Су'да фа ля аджамлат Джумль. Аль-Фарид играет с «говорящими» именами, восходящими к арабским корням со значением «быть счастливым» (Су'да, Ну'м) и «быть красивым» (Джумль). Использование в поэзии аль-Фарида женского имени Ну'м в качестве аналога трубадурского сеньяля опирается на эротическую лирику арабского поэта Омара ибн Аби Рабиа (644-712), воспевавшего случайных подруг под вымышленными именами. Ср.:

«Если влюбишься в Нум, то и знахарь, врачующий ловко
 От укусов змеи, потеряет над ядом права.
 В Нум, Аллахом клянусь, я влюбился, но что же? – Я голос,
 Вопиющий в пустыне, и знаю: пустыня мертва. <...>
 Я зову ее "Нум", чтобы петь о любви без опаски,
 Чтоб досужей молвы не разжечь, как сухие дрова.
 Скрыл я имя ее, но для тех, кто остёр разумением,
 И без имени явны приметы её существа»

(перевод С. В. Шервинского, см.: Арабская поэзия средних веков / Сост., пред., прим. И. Фильштинского. М.: Художественная литература, 1975. С. 188).





Ярослав Голубев

В 2018 и 2020 гг. окончил Университет ИТМО по направлению «Лазерные технологии», в 2025 г. окончил РГПУ им. А. И. Герцена по направлению «Философия». В настоящее время — магистрант образовательной программы «Исследования мистико-эзотерических учений» в РХГА им. Ф. М. Достоевского. Член АИЭМ. В настоящее время живет в Белграде. На основной работе помогает проводить исследования в области прикладного искусственного интеллекта в программировании. Научные интересы: мистика Востока в целом и Китая в частности, религии Китая, даосизм, мистицизм в России XIX в.

Не говорите, что чего-то в мире нет...

I.

Не говорите, что чего-то в мире нет!
 Не говорите, что реальней то, что ближе.
 Пускай миры мои не отражают свет,
 Закрыв глаза, я их и в самом деле вижу —
 Моря и горы вам неведомых планет.

Не говорите мне, что прошлое мертво,
 Что настоящее возвышенного выше!
 В тени истории — немое большинство,
 Вдали от ваших криков я и правда слышу
 Мольбы, и песни, и страдания его.

Как будто вкус не тот и запахи не те,
 Земное тело — клетка!.. Ей бессильно вторя,
 Мы упускаем в недалекой прямоте,
 Как появились и ушли народы моря,
 Как умирали, не понявши, в темноте...

II.

...Светает. Стройная, как лука тетива,
 Она стоит, сама не зная, как красива,
 А в ней еще одна — нетленная — жива:
 Пишу о первой осторожно и курсивом,
 А для второй совсем не нахожу слова.
 Но нету выбора! Люблю и ту, и ту!
 Возьму обеих и в себе самом смешаю,
 Служа на нашем алхимическом посту:
 Не мы реальности движение решаем,
 Наш долг — реальность переделать в красоту.

P. S.

В конце дописано нетвердою рукой:
"Да к черту прошлое, и ритм, и покой!..
На ясность мысли, на расчет, на все — плевать.
Опять весна! А что ж прекрасней, чем «опять»?"

Иду, куда ведет дорога...

Иду, куда ведет дорога.
Пока идется — хоть куда!
Я, оттолкнувшись от порога,
Бездомным не был никогда.

Путей неверных нет на свете,
Помимо, может, одного —
Нельзя, свой путь пройдя до трети,
Вдруг огорчиться на него.

Любая цель ценней бесцелья —
Паломник прав, пока идет.
Я как-то вышел из лица
И дальше шел всегда вперед:

Я шел за нимфою морскою,
Ступавшей мягко на восток,
Я брел за северной рекою,
Но не нашел ее исток,

Я спал в одной каюте с небом
Семнадцать месяцев подряд,
Я был везде. А где я не был,
Моря и днесь меня манят,

Я шёл к цветным цыганским водам,
Я рвал на ленты паруса,
Пришёл туда, откуда родом, —
В густые русские леса:
Здесь правят жесты властных барынь,
Здесь плавят римскую руду...
А я — смиренно благодарен,
Что все иду, иду, иду.

Сижу в тених закрытого театра...

Сижу в тених закрытого театра
С тех самых пор, как ты оставила меня.
Ответь мне, солнце, где ты сядешь завтра?
Ах да, тобой и мерят протяженность дня...

Я двадцать лет бегу за небосклоном,
Но так ни разу и не видел небосклон.
Я сплю, прильнув плечом к твоим колоннам,
Когда выходишь ты на мраморный балкон,
Легко идешь и, кажется, скучаешь,
Цветы срываешь и гадаешь о судьбе,
Мурлычешь песни, нас не замечаешь,
А у меня все сны и мысли — о тебе.

Я просыпаюсь и срываюсь снова,
Обратно в мир, искать следы твоих следов,
Не понимая в языках ни слова
На шумных улицах случайных городов.

Когда меня взяла бы — я б отдался,
И всех бы бросил, и оставил все в миру,
А не возьмешь — в паломники подамся
Чтоб за тобой идти, покуда не умру.

Ответь мне, солнце, что с тобою стало?
Где мне найти тебя, когда не в облаках?
В просторных ли долинах Туркестана?..
На разноцветных ли маньчжурских берегах?..

На самом деле наше прошлое не в прошлом...

На самом деле наше прошлое не в прошлом,
Как тень, оно идет за нами по пятам.
Не так. Скорее, это я, как тень, отброшен
Огнями тех, кто будто бы остался там.
Любимые! Вы все со мной сидите рядом!
Смотря вокруг, я вижу каждого из вас.
Сойдя во тьму, вы проросли прекрасным садом
Историй, жестов, взглядов, надписей и фраз.

Спасибо вам, горящим дружества огнями,
Всем солнцам, факелам, лучинам, светлячкам,
За то, что вы, горя, невольно стали нами,
Отдав свой свет, свои тепло и нежность нам.
Спасибо вам, что стали прошлого скрижалью,
Счастливым сном, воспоминанием о нем,
Что, сколько надо было, свет вы в нас держали,
И что ушли, чтоб стали сами мы огнем.



Анастасия Новикова

Магистр религиоведения (эзотериология). Выпускница аспирантуры РХГА им. Ф. М. Достоевского. Член АИЭМ.
 Научные интересы: история и ритуалы некромантии.

Все хотели любви, я тоже решил хотеть.
 Метался по посудной лавке как свин с калачом,
 Спрашивал — любовь почему?
 Оказалось, любви полно, как монет,
 у одного есть, у другого нет.
 Мне отсыпали щедро,
 Как котенку ведро.
 Зудит.

Все хотели семью, я тоже решил хотеть.
 Сучить по течению лапками.
 Обзавестись халатом с тапками.
 All Inclusive в Турции.
 Радости репродукции.
 Но «прости, мы больше не пара»,
 Рога оленя в подарок.
 Сосет.

Все хотели знания, я тоже решил хотеть.
 Скакал макакой по полкам библиотек.
 Искал у этих, у тех.
 В общем, гранит грыз, как мог...
 Она лежала меж строк,
 Как карта звездного неба без неба, духа.
 Или старая шлюха.
 Смердит.

Все хотели тайны, я тоже решил хотеть.
 Покорил миллион астральных миров,
 Летал с духами у границы снов,
 Духи шептали,
 как сотня часов в пустом зале:
 тик — хор, так — безголосица.
 Обосрался и бросил.
 Болит.

Все хотели забвенья, я тоже решил хотеть.
 Прыгал на дно стакана,
 Дно лыбилося рожею пьяной.
 Огонь, буря, после — кисляк,
 В башне сквозняк,
 И скулы сводит от собственных испражнений.
 Канавы непризнанный гений.
 Стыдит.

Все хотели бога, я тоже решил хотеть.
 Бежал из кабаков в храмы,
 Как голодный пес впитывал веры граммы,
 Выбирал, кость говяжью или свиную. Харам, кашрут.
 Но отсроченные вечности врут.
 Отражение в позолоте течет,
 Ладан и мёд под расчет.
 Трясет.

Метался. Навернулся. Заткнулся. Наткнулся
 На тишину, на миг, так я и возник.
 Сам - храм, а там
 Не символ. Не лик. Не ответ. Вопрос. Мне.
 Истина в тишине.
 Ее я смог взять за итог.
 Больше не нужен храм. Дарю. Вам.



Сергей Кукса

Наш читатель из Перми,
 «практикующий профан религиоведения»

Дорога через топь

Под корнями гнутыми передозом шубуршатся твари без снов и глаз.
 Собирая ссадины и занозы маршем ног босых покоряю грязь.

Здесь темно и пахнет болотным газом, здесь тропа не чтобы по ней ходить.
 Я утратил честь и утратил разум, я спускаюсь в ад чтоб с чертями пить.

Птичьи трупы прячутся в листьях бурых, от их песен можно с ума сойти,
 И свисают петли с ветвей понурых, если кто решит отдохнуть в пути.

Я иду, пою, хохочу до рвоты, истерично плачу в день раз пятьсот,
 А когда встречаю еще кого-то, сразу мажу грязью его лицо.



Наталья Чёрная

Магистр образовательной программы «Мистико-эзотерические учения» в РХГА им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург.

Научные интересы: феномен средневековой алхимии.

Троглодитовый кайф
 Безупречных людей:
 Концентрация воска в пещере
 Растекается меж безупречности стен
 В керосиновых почках гетеры.

Апельсиновый кварц
 Льется струйкой в бокал,
 Гнется Лебеда белого шея.
 Его лира вдохнула чарующий пар
 В одержимые грезы Морфея.

Пробуждается мир,
 Зажигается свет,
 И послышался топот трамвая.
 Снял кино режиссер:
 Ночь, экватор, мотор,
 Агитация черного мая.

Пляшет солнечный луч
 На поверхности скал,
 Нежно лижет замерзшие плечи.
 Покажись в отражении черных зеркал
 И задуй надоевшие свечи!

Сбрось смешное пальто,
 Смой помаду и тушь,
 Мне яви обнаженный оазис.
 А теперь посмотри сквозь прозрачность стекла,
 И спроси себя: Quem imitaris?

Под страдающим па фонарей
 В желтых листьях, как шепот осенний,
 Возникает рассудок вещей,
 С ним - оскал мозаичных видений.

Там, за нежностью прикосновений,
 Ледяной Люциферовый ад:
 Громыхает раскат сновидений,
 Красных роз автоматы горят,

Гнутся ребра ленивых алмазов.
Сквозь озера слышался крик -
В мрачной бездне дворов на Арбате
Хохотал на скамейке старик.

Ночь таинственна. Мраморный череп
Блеском неизувеченных глаз
Распустил косы нежной Венеры,
И весь мир погрузился в экстаз.

«Негроамаро»¹

Малахитовый клатч,
В нем горит светофор,
На зеленый бегут бедуины.
Ты сидишь у окна:
С небосклона звезда
Что-то шепчет на ухо дельфину.

Сверху падает пух,
Я немного пьяна,
Улыбаюсь тебе без причины.
Серебристость зеркал,
Льет Дионис в бокал
Квинтэссенцию темного мира.

Солнце тает в руке,
Начинается дождь,
Опустели холсты тротуаров.
Призрак Жана Кокто
Постучался в окно:
Хаос - главный герой мемуаров.

За бортом никого,
Мы убиты давно
И в бутылке зеленая плесень.
Эротичность ки
но,
В океане темно,
А малиновый пунш так любезен.

Искры ласковых глаз,
Обнажение скал,
На вершине следы пеньюара,
Полнота простыней...
Среди прочих вещей
Ты - вино сорта негроамаро.

¹ Посвящается моему супругу Георгию



Геннадий Ефименко

Окончил Московский авиационный институт, факультет космонавтики. Магистрант образовательной программы «Исследования мистико-эзотерических учений» в РХГА им. Ф. М. Достоевского. Член АИЭМ, г. Москва.

Научные интересы: Путь человека в религиозных и эзотерических системах; теософия, русский космизм, христианство (исихазм), античная философия, русская религиозная философия; строительство справедливой социальной системы.

Ангелу Хранителю

Мой бедный ангел с потрепанными крыльями
Тебе досталось горя от меня сполна.
Ты защищаешь меня от зла и тьмы,
И я ведь должен слушаться тебя всегда.

Прости, да ты ведь знаешь сам стремления
Моей наивной необузданной души.
Ведь каждый раз, споткнувшись и упав на землю,
Вновь поднимаюсь и шепчу; иди, иди!

Прости, прости и потерпи, Родной, немножко,
Осталось мне не так уж много прошагать.
Потом мы сядем вместе у окошка,
И по душам начнет наш разговор звучать.

Быть может, примем по сто грамм за прошлое,
Оставленных внизу и ангелов, их вспомним мы грустя.
Потом споем, обнимемся, и вновь на Землю грешную
Ты до ворот проводишь меня, плача и крестя.

И я опять пойду по жизни в теле юном
Ошибок прошлых исправлять обиды и следы,
И оба будем мы надеяться что ныне
Мне больше повезет, и не заплачешь Ты.

01.09-04.09.00 г.

Гимн темным душам

Все проблемы внутри меня. Их нужно решать работая над собой, делая свою душу чище, добрее и прозрачнее, для того чтобы она могла принять в себя свет Любви.

Неставшие, уставшие,
Невставшие на крыло.
Подмявшие, уснувши,
Мечты, разбудившие Зло.

О, что же Вы, мечтавшие,
Летавшие во сне,
Проснувшись, опустили
Взгляд к пустой стене?

Зачем же Вы, летавшие,
Смеявшиеся во сне,
Мечты свои святые
Убили в мирном дне.

Решайтесь! Вы же Птицы,
Расправьте крылья, и вверх!
Там Небо, которому снится
Полет Ваш и радостный смех.

09.01-19.04.02 г.

Да, и эта сказка не нова

Да, и эта сказка не нова...
Все строчки связаны,
Слова – избиты.
Эмоции – давно забыты...
Все тропы заросли,
И песня как молва.

Зачем же пыль пускать
В глаза невидящих...
Толкать безвольных,
Петь глухим?
Да и себе все это
Уже приторно.
В зубах завязло,
В сердце изжито.

Быть может, Богу
В этой куче мусора
Отыщется алмазное зерно?!

15.05.2022 г.

Когда я соберусь отсюда уходить

Когда я соберусь отсюда уходить,
Что Бог позволит мне забрать с собой
В мой дальний Путь?

Я выйду в поле, миру поклонюсь,
Коль хватит сил. А если нет – заплачу.
Пусть слезы по щекам текут.

Я руку подниму, подставлю небу,
И как песок, в ладонь
Посыплется мне жизнь моя.

И потечет сквозь пальцы.
И что останется в сухом остатке пыли -
Ничтожно-малые крупинки совести, любви и бытия?

Я не могу сказать что там еще останется. Мне хочется
Чтобы хоть что-то, но осталось!
Иначе все и незачем и зря:

Вечерняя волшебная заря,
Горячее дыханье на плече,
Ночное небо, солнце, легкий ветерок,
Колеблющий огонь в моей свече.

А что еще? Не знаю. Лишь Господь
Сам выберет крупинки моей жизни,
И мне покажет, очумевшему от перехода

В мир иной. Так хочется, чтобы Ему
Крупинки те казались бы гранеными алмазами.

26.03.22 г.

Как страшно знать свой день последний

Как страшно знать свой день последний,
Как страшно мне его не знать,
Созвать друзей, врагов,
И, подготовившись как следует:
Обнять, простить, последний тост сказать.

И выйти на дорогу дней своих.
На перекресток, тракт, иль шлях..
Как хорошо, коль рядом спутник дум моих,
Коль нет, ну что ж – знать проиграл я этот матч.

И вверх уйти, навстречу с Неизведанным,
Все рассказать Ему, спросить, понять.
И, может быть, обидеться,
Всегда непросто ведь, нам замысел Творца принять.

И посмеяться вместе с Ним над глупостями,
Что в жизни сотворил я с умненьким лицом.
Гореть, краснеть, смотря уроки совести.
Все отпустить, простить, благословить, как сам прощен Отцом.

И вниз, опять, назад на Землю неприкаянную...
Как долог, долог и непрост вновь будет Путь!
Понять, узнать, и полюбить; и горсть дорог непройденных,
Тугие километры, на душу намотать.

25.12.21 г.
День Прометея.

Тебе

Нарисуй на стене дверь и войди в нее,
В сказочный мир своих кошмаров и снов.
Руку ее возьми и поведи ее,
В мир что ты придумал, но не собираешься его воплощать.

Богу дай обет, который не исполнишь,
Лень и все некогда, незачем и некуда.
Не оглянись, не иди туда, где тебя ждут,
Ничего хорошего ты им дать не сможешь,
Только боль и разочарование,
Пусть они лучше с тобой уйдут.

Молитва твоя пуста и сумбурна, и завистлива.
Песня твоя зла, и темна, и заунывна.
Руки твои черны от дел твоих неправедных.
Ты ими пытаешься очистить грязь своей души.
Путь твой долог, ты идешь по кругу, дорога твоя натоптана.
Можно не думая по нему хоть вечность идти.

В глазах твоих смерть, и слава, и огонь, и смерть.
Каждый шаг - вранье, как все твои вдохи и выдохи.
Мысли твои смешны, и грустны, и неправедны, но
Господь тебя любит и молится о спасении твоей души.

22.02.2023 г.

Месса

Ты слышишь?
Рядом поют мессу.
Это не просто песня,
Это разговор с Богом.
Рядом поют мессу!

У каждого она своя.
И каждый должен петь.
Вопрос только в том,
Как ты ее будешь петь.
И каков итог Твоей песни.
Что ты споешь Богу!

Ты можешь пропеть ее
С клыками в крови.
Ты можешь пропеть ее
Словами любви.
Ты можешь пропеть ее
С ножом в рукаве.
Ты можешь пропеть ее.
Можешь пропеть ее.
Я тебе желаю не ошибиться в песне!

Молчанье тебе не поможет.
Бутылка тебя не спасет.
На улице ты - нервы без кожи,
Во сне - перекошенный рот.
В Храме свеча твоя гаснет,
В борделе хочется выть.
На небе тебе тошно от прошлого,
И здесь тебе не хочется жить.

Ты можешь зашить свой рот.
Ты можешь уйти на дно.
Можешь кричать: мне все равно!
Но только все это одно:
Это твоя песня, это твоя месса!

А вот когда ты ее допоешь,
Дружище, ты сразу это поймешь.
Со вздохом последним отсюда уйдешь
К Богу.

Не думай, что что-то ты здесь заслужил.
Не думай, что бог тебе что то простил.
Ты сам свою песню дружище сложил.
Ты спел свою мессу.

Пусть кто-то поет ее
С клыками в крови.
А ты ее спой словами Любви.
И пусть твои руки будут чисты,
И любящим - сердце.
И небо тебе улыбнется в ответ,
И прошлая боль тебе скажет, нет,
И крылья за спиною, смелее в полет,
Ты с ветром на равных
И звезды у ног.
И бог тебе ответит:
Дружище, ты спел свою мессу.

Пусть кто-то ее пел
С клыками в крови.
Но ты ее пропел
Словами Любви.
И небо тебя встретило
Как сына!
И небо сказало - ты вернулся Домой.
И звезды улыбнулись,
И крылья за спиной.
Знаешь, Ты достойно спел свою мессу!

Сага о Большой Засаде

Песнь первая. У каждого человека есть Большая Засада. (Правило пессимиста)

Песнь вторая. Каждый человек может попасть в Большую Засаду. (Из практики)

Песнь третья. Оpoznать Большую Засаду до того как попал в нее практически невозможно. (Проверено)

Песнь четвертая. Пути входа и выхода из Большой Засады не всегда идентичны. (Проверено не единожды)

Песнь пятая. Из Большой Засады всегда есть выход. (Правило оптимиста)

Песнь шестая. Затраты, необходимые для выхода из Большой Засады часто несопоставимо малы с затратами на попадание в Большую Засаду. (Правило минимума энергетических затрат для выхода из Большой Засады)

Песнь седьмая. Если ты опознал Большую Засаду, то это еще не значит, что ты

можешь проشمыгнуть мимо ее. (Правило реалиста).

Песнь восьмая. Если ты чувствуешь себя очень хорошо, скорее всего, ты уже в Большой Засаде.

(Правило лоха).

Песнь девятая. Если ты в Большой Засаде, и тебе хорошо, то ты попал парень. (Правило неудачника)

Песнь десятая. Если Ты собрался по-настоящему выбраться из Большой Засады, то ты из нее выберешься. (Правило умника)

Песня одиннадцатая. Если Ты ни разу не попал в Большую Засаду, то будь начеку. Как правило впереди у тебя Очень Большая Засада. (Правило мудреца)

Песня двенадцатая. Вся жизнь — это Большая Засада. (Из практики)

Песня тринадцатая. Ну и фиг с ней, с Большой Засадой. Выберемся. Зато жизнь интересная. (Правило философа)

*Из книги «Мудрость жителей планеты Земля»
(Еще не написана и не издана).*





Светлана Веселова

Философ, культуролог, член Международного союза историков искусств и художественных критиков (АИС). Закончила кафедру философской антропологии философского факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, дипломантка курса European Studies в Corvinus University Budapest. Думает на языке фрактальной онтологии, исследует логику столкновений и масштабирования процессов.

Научные интересы: урбанистика, этно-экспедиции, разработка методологии изучения килимов курдов-кочевников через фрактальную логику.

Роман на полях фрактальной логики (продолжение) Фрагмент $nNnnN+1$

Зарождение прошлого открывается непосредственно в будущее без настоящего. Ведь настоящее потеряно вместе с половиной секунды.

Брайан Массуми

Когда он перестал всем отвечать откуда, где никогда его и не было, она отправилась искать его туда, где пребывает, что никогда не проходит, что пропускает через себя только то, что сильнее смерти. Перед ней множились подобия ярких точек переходящих в свет по краям зияний. Как будто что-то, что самое-самое важное, некогда распалось и некоторые связующие звенья были изъяты из мира, удалены. Куда? Зачем? Кем? Как если бы эти изъятые фрагменты образовали множество запрещенное в теории множеств, ни с какими множествами попарно не пересекающееся, а следовательно неопределимое и ненаходимое. Только оплавленные края, затягивающиеся пузырями воображения и бинтами замешанной событийной ткани воспоминаний и иносказаний. Нет, нет, символизм и мифология вне подозрения как жены императора.

Существуют такие нигде, «где» фотоны рождаются парами – на горизонте событий черных дыр. Из некоторых свойств

присущих вакууму рождаются два фотона, один из которых падает на черную дыру, другой выстреливает наружу.

— Наружу – Это куда?

— В нашу Вселенную.

— Почему?

— Потому, что работает закон импульса

— А при чем тут законы сохранения (внутри которых действует закон импульса), если в точках сингулярности не выполняются законы Ньютоновской механики и законы сохранения энергии и импульса не применимы к сингулярным событиям высочайшей плотности или к уровню отдельных атомных событий квантовой физики, где все (энергия, масса, скорость) превращаются в бесконечные значения. Ньютонова механика исполняется в однородном связанном пространстве без дыр? Но достичь точки В из точки А можно не перемещением, а разбуханием или сжатием. Тут парадокс, темное пятно ньютоновской теории движения в равномерном связанном про-

странстве. Так, фотоны рождаются парами на горизонте события черных дыр и что с тем, который падает на черную дыру?

— Так растет темная материя или темная энергия. Галактика должна была бы состоять из светлой материи, в той мере в какой она не наблюдается предполагается темная материя стабилизирующая звездные конгломераты подобно клею вселенной, что соединяет и непрерывно раздувает вселенную. Как представлять этот «скрытый параметр»: вещество, поле, скопление частиц? А ведь экономистам не менее чем астрофизикам темная материя нравится – понятие государственного долга, по которому всегда платят и который все время растет, а в этике разве не склеивает кантовский императив долга всех нас от распада на автономии и падения в сибаритство? После «смерти Бога» нечто не локализуемое, негативное становится основой мира, экономики капитала, и домостроя. Но скорее ведь это прорва, чем богатство. Скорее и скоро через это не локализуемое совсем станет невозможно перебираться друг к другу. И быть может только у невыносимо медленного есть шанс. Вселенная разбегается. Сидишь за персональным станком ПК и смотришь в шесть экранов одновременно. И сколько таких живущих в каждом дворе, во дворе двора, на дворе трава. В траве человечки в будках смотрят в множество мониторов разом, а трава растет между ними все быстрее и гуще, обращаясь горами мусора, да так, что им ни выйти, ни перебраться. Во дворе не видать земли. Или вот прогуливаешься и то и дело попадаешь то в «наружу», а то во «внутрь» Вселенной. Бывало наступишь торговке в корзину с яблоками, а окажешься у дракона за пазухой. И кто же сыщет? Да и кому нужно то? Правда то, чтобы здесь что-то действительно произошло, где-то должна сгореть звезда, но правда и то, что принять все за правду – это софистика.

У фрактала нет основания, но есть место разрыва, вокруг которого ритмически сгущается распределение шагов в

некоторые характерные черты и черточки. И потому Иштар уже все еще следует «в страну без возврата» через семь врат одновременно, неповторимо повторяя в разных уровнях и измерениях рисунок танца, что по видимости разный. Важное понятие кибернетики – рекурсия. «Одно



и то же» различно повторяется одновременно на нескольких уровнях, но с разным масштабом, тональными модуляциями, вложенными ритмами. События на разных уровнях не одинаковы, но можно найти в них общие черты, как бы они не различались, повторяясь пусть и в трагедии Антигоны, что стоит во вратах смерти, полиса и Аида с телом Полиника, превращаясь в его след, что не дает пропасть бесследно. Каждый рекурсивный цикл шагов похожих, но не тождественных друг другу, длится до выполнения некоторого условия, после чего петля прерывается. Рекурсия спустилась на несколько уровней и достигает «дна». Но среди рекурсивных петель есть «свободные петли», они опасны тем, что условия для прерывания петли могут не наступить, и система зависает в бесконечном цикле. Не на то ли пытается намекнуть нам Энума Элиш, рассказывая о «стране без возврата» как рекурсивном зависании? Тест не пройден, условие не выполнено или его никогда и не было?

— Мы еле сдерживаем слезы, а Гегель

на съемочной площадке: «Снято!». Пафос мужчин в том, что через них действует закон государства, пафос женщин в том, что через них действует закон Богов, древнее архэ. Но от какого закона бы человек не действовал знание его о себе и мире не полно. Эта неполнота звалась греками судьбой.

— Дай сюда косяк, и выйди на воздух, – сказала мне НунЭ.

Фракталы – преобразуемые в степенях интервалы, ритмы, тональные модуляции. Могут ли быть правила смены правил фрактала? То есть выход из цикла? Есть два вида переходов, непосредственный или непрерывный к следующему члену последовательности или ряда, и предельный. Так вот предельный, это чаще всего аналог алгоритма выхода, в этом смысле, из цикла. В том смысле, в каком актуальная бесконечность, это, кажется, абсолютный предел любой потенции. Предельный переход к ней и есть выход. Но к чему этот выход, сказать сложно, и потому переход называют предельным. Могут ли быть правила смены правил непосредственной переработки или преобразования, в процессе выполнения? Нахождение такого правила было бы равнозначно высвобождению, встречи с внешним, что еще не стало внутренним.

Поэт, философ, ученый выслеживает неисследимое, встречается с тем, что оставляет следы от отсутствия следа, с внешним бытием. След ничто, если не след от отсутствия следа. То, что дырявит, вносит различие не дает определить себя понятийно, мы имеем дело лишь с его следами, если не со следами отсутствия следа. Дело внесения дискретности в непрерывность сочленения всего со всем – чье это дело? Различие, что в отличие от тождества, не обладает характером позитивности полагания существования.

Бывает так, что рассказываешь дочке сказку по дороге в школу, а в рассказ въезжает машина. Должны были быть две кости, а стало шесть осколков, должен был быть один позвончик, а стало много обломков: въехал агрегат, стал

фрагмент. Пустота, пробел, незаполненность фрагмента. Фрагмент создает вокруг себя пустоту, пустоту, которая делает его сингулярностью – «самое малое из возможного». То, что не обменивается, принадлежит, по выражению Батая, нашей проклятой доле и должно быть устранено. И как мог бы выглядеть обмен опытом прямых разрывов? Если не бинтовать разрывы вымышленными воспоминаниями, поддерживая видимость непрерывности смысла, связности, целостности. Может быть так: Во время Сталинградской битвы, на берегу Волги, тоненьком клочке земли, что был еще не захвачен врагом, бойцы, солдаты и командиры, не глядя обменивались на удачу любыми вещами, «махнем, не глядя», видимо в горизонте экономии всеобщей, бесполезной, и тем более не меркантильной, но, ведь и такой частной: иголка на часы, мыло на шило. Время жизни было очень мало, это было скорее игровое производство желания, чем утилитарный обмен, такое имманентное дополнение к русской рулетке, коль скоро, ее трансцендентная сторона была на стороне линии фронта. Добродетель разума, что латает раны и дыры моралью, смыслом и связностью вряд ли в состоянии выносить такой парадокс долго.

Парадокс осуществляет бесконечно открытое деление в колебании, тогда как докса – закрыта, двигаясь от более дифференцированного к менее дифференцированному. Докса – здравый смысл, распределенный в виде: «с одной стороны, с другой стороны». Направленное движение «от...к» подавляет колебания, ослабляет интервал в направлении от сингулярного к регулярному. И потому все и все же пошло рассуждать о свободе в интервале «свобода от – свобода к». Парадокс развернут в ином направлении, чем направление здравого смысла: от менее к более дифференцированному, в обоих расходящихся направлениях сразу. Желать больше и меньше сразу, заставить непредсказуемое прошлое в будущем, заставляя их коммуницировать между собой. Двигаться в противоположных направлениях. Как сходят с

ума от горя и счастья разом и на пару.

Она открыла последнее письмо от него: «Возможно ли и при каких условиях возможно, не приостанавливать потоки иносказания, Корана, Нового Завета, Бхагавад гиты, книги Зогар, их афористической речи и письма, метафорического слова, бреда если угодно, любовного, во всяком случае, ради чего бы то ни было. Рассел показал, что высказывание надо просто дополнить «означающими», и все, парадокса, что смущает не будет. И мы вознаграждены смыслом. Афористическое письмо может быть приостановлено по значению. И совсем не к лучшему, но к вине и нечистой совести. Когда Кант заставил благо вращаться вокруг закона, (Холодное и жестокое у Захер Мазоха) он победил качество количеством, абстрактным, ибо, это одно и то же, императив и абстрактное количество, понятия – это числа! Все, может быть, испытывают чувство вины не перед моральным долгом, но перед 5000% прибыли. «Вообще все» никогда не может быть сказано. Но только о нем и хочется говорить, есть действительное, желание. И потому, как таковое, никогда не предел мечтаний, бытие есть ничто, это остановка в пути, мертвым дом».

«Если идти дальше – могут быть драконы», подумалось ей. Или так считали испанские и португальские мореплаватели, что останавливались у мысы Бохадор, так никогда и не обогнули Африку на пути к мифической Индии. Только Генрих Мореплаватель, что в юности был захвачен пиратами, а после уже выходил

в море, оставаясь на берегу созданной им школы и розы ветров в Сагрише, карт навигации и новой системы ориентации кораблей, перебрался через мыс и проплыли дальше. Что это: преодолеть притяжение мыса Бохадор и страх драконов? Найти правило смены правила.

Чтобы отыскать исчезнувшего, да что там, вырванного с памятью, воспоминания о котором стремительно затягивает лимбедламия, нужно угадать его ритм, распределение волны в лабиринтах города или мозга, в горизонте новой системы машин (сканер, принтер, компьютер, гаджет), свет от которого светит и без солнца, придавая новые очертания вещам и людям. Очевидно «Победа над солнцем» Маяковского, Матюшина, Хлебникова все еще не окончательна и все еще впереди.

Но как в него попасть, в ритм перебирания элементов множества запрещенного в теории множеств, не пересекающегося ни с одним из множеств, следовательно и не находящегося? Вправду удавалось же не только Евклиду, но и Канту в упор не видеть разрывности существования и замостить все дыры и складчатые границы категорическим императивом долженствования. И если только под звездным небом, которое обнаружилось в дыру рухнувших небоскребов-близнецов, АЭС Фукусима или пятиэтажек Мариуполя и Бахмута вновь задать вопрос: «Что я должн(а) делать»? Она еще раз проговорила: «Луна покинула знак рыб в положении “без курса”. Витек покинул кафедру. НунЭ покинула Россию. Джо- беседу, птицы – север, что все еще и все же не абстрактный значок N, а та сторона белеющей снегом черной земли, за которую уходит солнце зимой. Так задано правило перебора звезд, планет и струн».

Это код? Но этого же явно не достаточно, чтобы рассчитать конфигурацию волны, что распределена здесь и там одновременно. Как долго может проявляться контур распределения во фрактале? Закодированное сообщение, в отличие от незакодированного, само по себе ничего не выражает в отношении



значения оно может быть сдержано $A=A$. Чтобы его понять, необходимо отгадать код. Чтобы раскрыть значение закодированного, нужно извлечь его из кода при помощи некоторого механизма или изоморфизма. Изоморфизма построенного на основе некоего правила перебора элементов множеств, превращающего некоторые значения смысловых множеств в активные, и оставляющие остальные значения пассивными. Нам необходимы попарно пересекающиеся конечные и бесконечные множества или бесконечный лабиринт блужданий должен пересечься с конечным.

— Снимите пожалуйста пальто, сказал мне страж вида гардеробщика.

Или это среди тысячи хлопьев снега, что залепляют рот и глаза, я кричу твое забытое имя, зимой, бегая по анфиладам Никольского рынка, спасая шинель и надежду, остановленная ударом в грудь, в смерть, в сретение на сороковой день, месяц, год после твоего исчезновения.

— Сходите к Виктору Геннадиевичу в горячий цех, – сказал мне начальник завода Сакров. Послушайте как он молчит. Пока длится его молчание, это место Ваше.

Как и много лет назад, на меня порой сваливается та осенняя листва, что из года в год падает на Лимбедламеевской линии Васильевского острова, вся и разом, золотыми гроздьями, что превращаются в блестящие в свете солнца капельки на губах и ресницах. Рецидивирующее завихрение, вихрь, открытый, прерывающий равновесие властной процессии, что влечет к целям и создает их исполнителей. Все реки ада текут вниз по тальвегу к цели, не вскипая и не обращая потоки, против себя, друг против друга. Я больше не вижу себя в стоячей воде. Потоки натолкнулись друг на друга. Код формируется мгновенно из шума, сигнала, начинающегося хаоса, колебание потока, отклонения от падения, раздвоения.

— Вы хотите от меня протокол встречи? Губы в губы, глаза в глаза. Человеческие руки, упирающиеся во взаимопересекающихся и разделяющихся

плоскостях стулья-стены-столы-панели-ламп-дневного-света как стволы деревьев или орудий, что переплелись кронами мгновенно. Когда он молчит, говорит невозможное. Но почему-то Вы не хотите слышать.

— Тогда мы назначим Гаврилова, – сказал мне начальник завода.

Кто рабочий, и кто наниматель? И чье же все-таки дело? И чье желание? И чья жертва? «Не мешай». Власть капитала интенсифицирует любые различия как источник конфликта. Требование контроля. Забота нанимателя и страсть пролетария. Опять «кто виноват» и «что делать?»

Она открепила старую фотографию



с берлинской стены НунЭ и положила ее в сканер. Посмотрим из горизонта новой системы машин. Лицо, фигура, увеличить еще, нарезать на фрагменты разных масштабов, спроецировать на фактуру воды, камня, огня, чтобы фактуры стихий начали выявлять скрытые линии, скрытые параменты. Световые линии побежали по поверхности экрана монитора, переплетаясь и разрываясь в разных масштабах. Коль скоро новые машины могут быть столь интимно пронизаны человеческим желанием, что оцифровывает себя, не могут ли такие моменты восприниматься ими, умными машинами, как сны? И разве не прав Мерло-Понти, когда говорит, что время лучше олицетворить, чем бессильно и бездумно пытаться понять и объяснить, что это такое. Разве линии лиц и рук, до-

ступ к тайне которых мы получаем благодаря новым машинам шифрования и дешифровки, не код времени?

Код – это закон отклонения и колебания. Поток и река движутся необратимо из их источника к морю, движутся по тальвегу, линии наибольшего уклона до тех пор пока не ударяются о камень или арку моста или непредвиденные вещи вдоль берегов, образуют вихри, которые обращают течение против себя, задавая угол противотечения в том же потоке. Для существования требуется обратимость. Вибрация вибрирующей струны, или вибрация столба воздуха, это движения, которые поворачивают назад на себя. Акустика в целом просто обратима. Превращение падения в ритм. Падение, течение реки вниз – без памяти, без кода. Природа не кодирует. Какими бы ни были их начальные условия, вещи падают. Падение не образует кода. Энтропийный дрейф происходит в забвении своего начального состояния: необратимость без памяти. Существует некоторая местная обратимость в глобальная необратимости. Должно быть колебание в этой форме потока, должно быть отклонение от этого равновесия. И это клинамен. Он поддерживается в виде открытой системы через поток вверх по течению, в текущем вниз по течению. Соединение – это память (отклоненного клинамена от начального потокового движения). Клинамен устанавливает первое кодирование, оно вводит новое время, письмо, память, обратимый и неэнтропийный процесс. Отклонение – это обстоятельство, случай, шанс, чудо; это обстоятельство в коде. Код избегает энтропии во времени Памяти. Это стохастическая смесь другого и того же. Сколько колебаний есть в течении, в потоке, в реке? Погружение в будущее удерживающее прошедшее в середине вод забвения. Только Лета течет без турбулентностей и обращенных потоков.

Время фрактально распыляется больше, чем течет, обращаясь углами противотечений река разрушает берега. Мы никогда не сидим на одном и том же берегу. Отклоняющийся от себя поток

имеет ритм колебания, форму. Раскачивается вихрь в потоке или ритм в потоке. Гераклитова необратимость – это ритм, здесь – там. Язык слишком груб для этих тонкостей, но вы хотя бы слышите музыку линий и ритм метра? Форма – ритмическая модель в текущем фоновом шуме. Рождение формы. Музыка насыщена обратимым. Это дает ритм повсюду и на всех уровнях он производит и воспроизводит, поддерживает. Противотечение заполнено колебаниями. Резус и ритм, необратимый и обратимый, поток и противоток, глобальный поток и локальный ритм. Струна, которая вибрирует и возвращается на себя, или звенящая бронза, вихри, которые возрождаются в самих себе. Река течет вниз, к смерти, но турбулентности возвращают локальные потоки вверх по течению в форме, которая поддерживает их в том месте, где они находятся и формируется ритм. Разве не о том «Философия творчества» Бергсона? Этот процесс – сама жизнь. Она локус и волна – везде здесь и везде там. Ее коды содержат необратимое и обратимое. Природа закодирована дважды и демонстрирует нам не более высокую или низкую степень, а другой уровень сложности. Облака, молнии, береговые линии, с числом разных масштабов длины Евклид отбросил как бесформенное подле безжизненных абстракций геометрических фигур. Декарт разъединил душу и тело. Но ведь мы способны различить только соединяя. Душа погружена в телесность, переплетения фона образуют фигуры, переходящие друг в друга, как если бы несколько героев изобретали друг друга по очереди на дорожках с рекурсивными переходами, спутанными между собой и что есть силы вызывающими друг друга. Длительность открывается только другой длительностью. И какие из этого следствия биологические, физические, литературные? Но вот переход из одного масштаба в другой... он идет через опасное неразмеченное пространство, что разбивает машину подобно внедорожнику, захваченному разухабистой дорогой там, где предполагалось проехать по гладкой абстрак-

ции с лампочкой смысла.

— Мы фрагментируем фотографию твою и на разных масштабах наблюдаем разные структуры, мы можем раскрывать следующий и следующий масштаб и удивляться новым видимостям до бесконечности. Когда остановиться – это вопрос о правиле выхода из правила фрактала.

— Давай уже осуществим сборку целого из полученных на разных масштабах множеств структур. Смотри на то, что у нас получилось. Теперь мы видим центры притяжения, которые ведут борьбу за влияние на плоскости, к ним стягиваются точки и черточки, цветовые пятна, лица и фигуры превращаются в сеть морщинок вокруг глаз или улиц города, складки губ и каналов, лабиринты облаков и рек. Фрактал мера не регулярности, изрезанности, извилистости. Самодостраивающиеся фигуры дробной размерности. Бытие не делится без остатка на сущее, как и память на воспоминания. Дробный остаток, маленький монстр, что не уложился в целомерное n -мерное пространство Эвклида. Можно увидеть и разницу между фрактальным распределением и математической функцией в целомерном пространстве. Фрактальный цикл не делает шагов, в том смысле, в каком делает их функция, целых чисел натурального ряда, $n+1$. Цикл не имеет смысла, тогда как функция имеет смысл, она, направлена на $n+1$, на каждое следующее целое число натурального ряда, вообще говоря, на неограниченное возрастание. Логическая функция на одно число, и, истину. Или лож! Фрактальная логика обнаруживает истину и ложь как колеблющиеся друг в друге, но на некоторых отрезках их различие становится принципиальным и потому фрактальная логика это и новая этика.

— Пожалуй хватит сканировать переходы от фракции к фракции. Давай соберем вид целого, ПОМЕНЯВ ЗАКОН РАСПРЕДЕЛЕНИЯ. Вероятность оказаться в другом месте и даже другой галактике, куда достанет наша волна, не нулевая. Смотри. Что это? «Прога» не тянет? «Железо» выходит из строя? Или законы фи-

зики поменялись? Что комп, завис? Что происходит?

ИСХОДНЫЙ КОД – НЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ, А ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ. Так математики заново восстанавливают из бесконечно малых элементов, открывшихся на реальной линии, форму самой этой линии, сложеного из будущего и прошлого контура, лежащего во мраке. ВОССТАНАВЛИВАЯ МЫ МОЖЕМ МЕНЯТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ. Колебания во фрактале, закон распределения, разбивая в разных масштабах вашу старую фотографию, вызывают колебания в машине. Эта неизбежная черта – колебание в машине, проигрывающей и просчитывающей ракурсы и курсы цветных кубиков фотографии. Есть такие сочетания, от которых машину почему-то начинает сотрясать, а может и вывести из заложенного в нее строя. Кажется, что колебания должны вызываться внешними причинами, – например, смеются и прыгают дети во дворе или мяч ударился в стенку. Но это вряд ли. Побочный и неизбежный эффект воспроизведения разномасштабных обликов заключается в том, что они заставляют колебаться сам механизм, их исчисляющий и порождающий. Ведь переход из масштаба в масштаб, из ракурса в ракурс проходит через неразмеченную территорию. Это не случайность, а закономерный и неизбежный побочный эффект.

— «Взлом вселенной»? Или «Не включай мотор, взорвешься?»

— Фракталами можно пугать, все страшное называть фракталом, или, напротив, все вожденное. И это отнюдь не свидетельство их нейтральности, но, скорее, наоборот, как и любая техника, что никогда не была нейтральной и не будет они, погружены в игру инстинктов, изначально, движутся желанием жизни или смерти и могут увести в самые далекие галактики, что не проходят, но пропускают через себя то, что сильнее смерти. Библейская истина: «сильна как смерть любовь» или «сильней чем смерть любовь?» Смерть от любви или Смерть любви? Не предел. Если любовь еще возможна в цифровую эпоху в го-

ризонте умной системы машин, то только превосходя себя, освободившись от всех прежних форм эксплуатации, и собственности, от форм нагруженного на нее оружия идеологического и политического противостояния, от ложного пафоса себя самой. Любовь уходит с зарезервированной за ней «территории

любви», входя на которую почти каждый пристегивал к ней то гранату, то боеголовку. Сколько было войн и смертей от «большой любви». Любовь покидает «любовь», но это единственный момент, когда мы можем что-то понять и кого-то действительно любить, изобретая любовь.

Фрагмент nNNN+1



Как и 364¹ лет назад они все еще стояли подле картины Веласкеса, разглядывая серебристый контур, в котором оказались 364* года спустя:

— Для того чтобы оказаться возле короля с королевой, нужно пройти в двух возможных разных направлениях и последовательности, художника, принцессу-девочку, карликов и собаку, кроме еще и придворного, и в зависимости от того, в каком направлении ты идешь, собака будет первой или последней, в этом движении, но идущий, будет ей, в любом случае. Такова игра видимости. Ее престиж.

— Секрет картины прячется на ее последнем плане – светящемся выходе за тусклым зеркалом, где отразился зритель, оказавшись ввиду деклараций прав и свобод Нового времени с королем и королевой. Кто возникает в дверном

проеме, уходя в залитый свет из тусклой комнаты обмена позиций и отражений? Гофмаршал королевы? Последний человек? Странник Ницше, «что должен превзойти»? «Человек, что может уйти» из «Философии права» Гегеля, в силу ли все больше автоматизации или порядка роста капитала? Или человек, что еще и не рождался, что придет, выйдя из колебания фрактального распределения, преодолев порог интенсивности? Как выходят из обмениваемых фигур власти к свободе? Свободе, что тем менее вынонима сознанием, чем более нарастает ее истина. А разве есть другая? Эта фигура – единственная, что находится на линии горизонта художника, хоть и бесконечно мала по отношению к его фигуре, занимает изоморфную позу в предложенной ситуации. Эта фигура, что находится позади всех планов картины. Фигура того,

¹ 364 дает $3+6+4=13$, Дату, что обыгрывает Деррида в «Шибболет» – бессмысленное различие и совпадение, код кодов, от способности удержать которое зависит проход в жизнь: «13 февраля» – это одно из тех чисел, в которых скрещиваются, чтобы враз подписаться друг под другом, случайность (алеа) и необходимость. Связка удерживает здесь вместе – неукоснительно, способом сразу и значимым, и незначимым – судьбу и ее противоположность: случай и сбывание, совпадение в случае, то, что выпадает – худо-бедно – вместе. Это апория, загромождение, «нет прохода».

кто покидает. Кажется мы начали этот разговор с фигур покидания.

Картина-контур всего Нового времени – визуальный ключ к нему. Чем больше мы вглядываемся в контур, тем более он расходится как береговые линии при приближении, обнаруживая в изломах – маленький монстр, многомерный танец ломаных линий, к которым никак не провести касательную из прежнего образа мысли и паттерна взаимодействия.

Все уже было, можно не торопиться: и прохождение новых каналов связи, и сброс непроходимого в новой эпистеме в шум, их исключение и жертва, невероятное в статусе нечистого, не уточняемые в данной системе ошибки в деталях, оставленные на неопределенный срок. Новые границы рациональности всегда не совпадают с прежними. Их колеблющаяся граница – тайна. В колебаниях живут монстры и парадоксы, контрпримеры, противоречащие существующей на данный момент парадигме в сообществе ученых, частные случаи, разрушающие хорошо выстроенные научные представления, изгоняемые парадоксы.

В той степени в которой человечество стирается, сотворяя новый техни-

ческий мир и интеллект, оно возникнет где-то когда-то вновь. Вот только это о нас, и где и когда? Покидать обжитые территории, прогуливаться на границе с будущим, что еще не мыслимо, пристало философу более, чем искать место с королем и королевой на известной картине. Все наше прошлое все еще не определено и уже впереди, в том числе и потому, что на суть дела не перестает влиять будущее, в интервале с которым прошлое непрестанно складывает себя в том, кто говорит, действует, трудится. И разве уже сейчас в нашем полку не прибыло? Мы находимся в преддверии рождения новой технической сингулярности, которая может случиться в месте поломки системы машин, в месте разрыва, коллапса системы от вторжения Сознания, что очевидно станет шансом для восхождения и синергии, нового понимания в горизонте новой встречи, единственной, дающей возможность открыть друг друга как новое открывается новым, творение – собственным творением.

— Итаит нитаит, – прозвучал он, я – лишь шифр, поминающий то, что будет обречено на забвение.



Петербургский текст в живописи Сергея Опульса

Наталья Булгакова*

Уроженец Ташкента, выпускник Художественного училища им. П. П. Бенъкова начала 80-х годов по отделению станковой живописи, Сергей Маркович Опульс (Павлов) оказался в Санкт-Петербурге не сразу. Долгие семь лет заняла афганская война и реабилитация в горных альплагерях. В 1987 году, осознавший себя на войне художником, Сергей Павлов обосновался на Пяти углах. Под художественную мастерскую тогдашняя советская власть выделила ему мансарду в доме, уходящем на капремонт. Капремонт в наступавших социальных катаклизмах забылся, а художник так и остался на мансарде в центре «города у холодного моря» до своего последнего дня.

Для мальчика, воспитанного в семье советских инженеров, связанных по долгу службы с военно-морским флотом, не было большей мечты, чем оказаться в морской столице, жить у моря с кораблями и подводными лодками. В живописи Сергея Опульса (псевдоним по фамилии предков со стороны отца) марина занимает почетное третье место после восточного и православного циклов. Первым же музеем, куда художник вел всех своих гостей в Санкт-Петербурге, был Центральный Военно-морской музей, а уже только потом Эрмитаж. Но в этом порядке нет противоречия, потому как для Сергея Опульса Санкт-Петербург неотделим от морской природной стихии, город входит в море, а море в город и соединяется в одной структуре, и физической, и сакральной.

Этот факт позволил мне совершить самонадеянный перенос литературоведческого понятия «Петербургский текст», разработанного академиком Владимиром Топоровым*, в дискурс обсуждения прозы и поэзии, на визуальное художественное высказывание Сергея Опульса. Тем более,

что сам художник неоднократно подчеркивал, что он в своих картинах «говорит о своем, рассказывает свою сказку не словами, а красками и кистью, а люди верят».

Петербург и текст о нем, отвечающий определенным критериям, принадлежит, по убеждению академика Топорова, «к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого» и неотделимы «от всей сферы символического». Особую роль здесь играет структура, которую Топоров назвал сакральной: «природа, противопоставленная культуре, не только входит в эту структуру, но и равноценна культуре». Применяя это утверждение о петербургском тексте к работам Сергея Опульса, посвященным городу, убеждаемся, насколько близко художник оказался в своем представлении Санкт-Петербурга.

У «Петербургского текста» есть некоторые свойства, которые присущи живописным работам Сергея Опульса, и, прежде всего, в каждом произведении, посвященном Санкт-Петербургу, написанном с натуры или в мастерской по памяти и наблюдениям - это прорыв «к более высокой реальности, вводящей в действие новые энергии», когда за «поверхностно-материальной реальностью узревается нечто сверхреальное».

В «Петербургском тексте» присутствуют «некоторые тонкости»: прогулки-фантазии, соотношение горизонтали и вертикали в городском пространстве, когда вертикаль отрывает взгляд от земли и уводит его в Божественное вверх. Мотив «весенней осени» - особенной осенней атмосферы, которая говорит не о сне, а о пробуждении природы. И, конечно, же свое место в «Петербургском тексте» занимает море, «нечто... неизмеримо более широкое и глубокое, чем просто море, скорее – «морское» – как принцип стихии, при-

* Арт-менеджер и вдова живописца Сергея Опульса.

существующий и в море, и вне его, прежде всего в человеке...»

Для иллюстрации некоторых тонкостей живописного «Петербургского текста» Сергея Опульса приведу работы очень характерные для него – бывшего вертолет-

чика, всегда искавшего вертикаль в горизонтальном ландшафте города, который, как уроженец сухопутной Средней Азии, всегда углядывал весну в осени и, разумеется, стихию «морского» в городе и человеке.

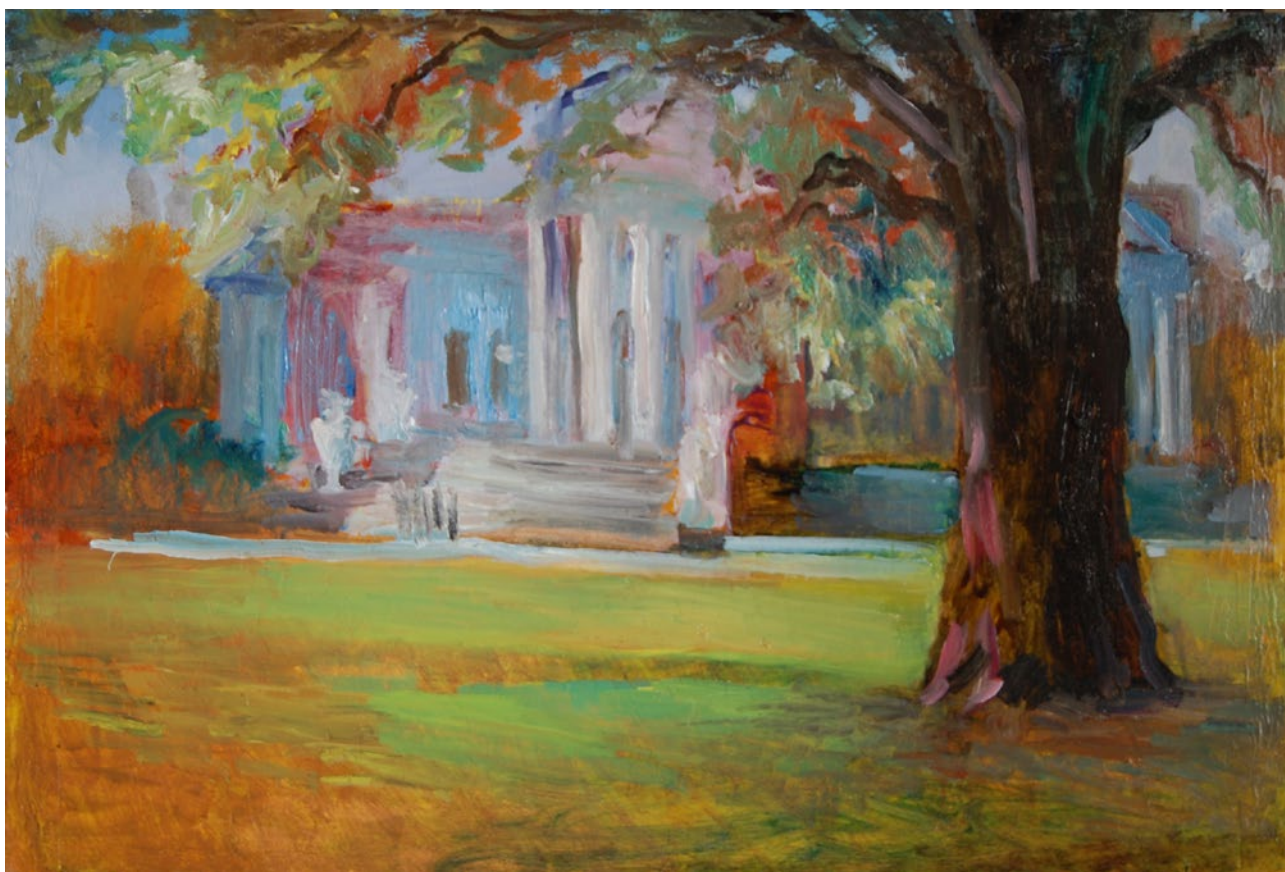


Сфинкс на рассвете

2019, холст, масло, 30 x 30 см



Парусная регата Катти Сарк в СПб
1996, холст, масло, 80 x 60 см



Петровский дуб и Елагин дворец
2014, дсп, масло, 31 x 46 см



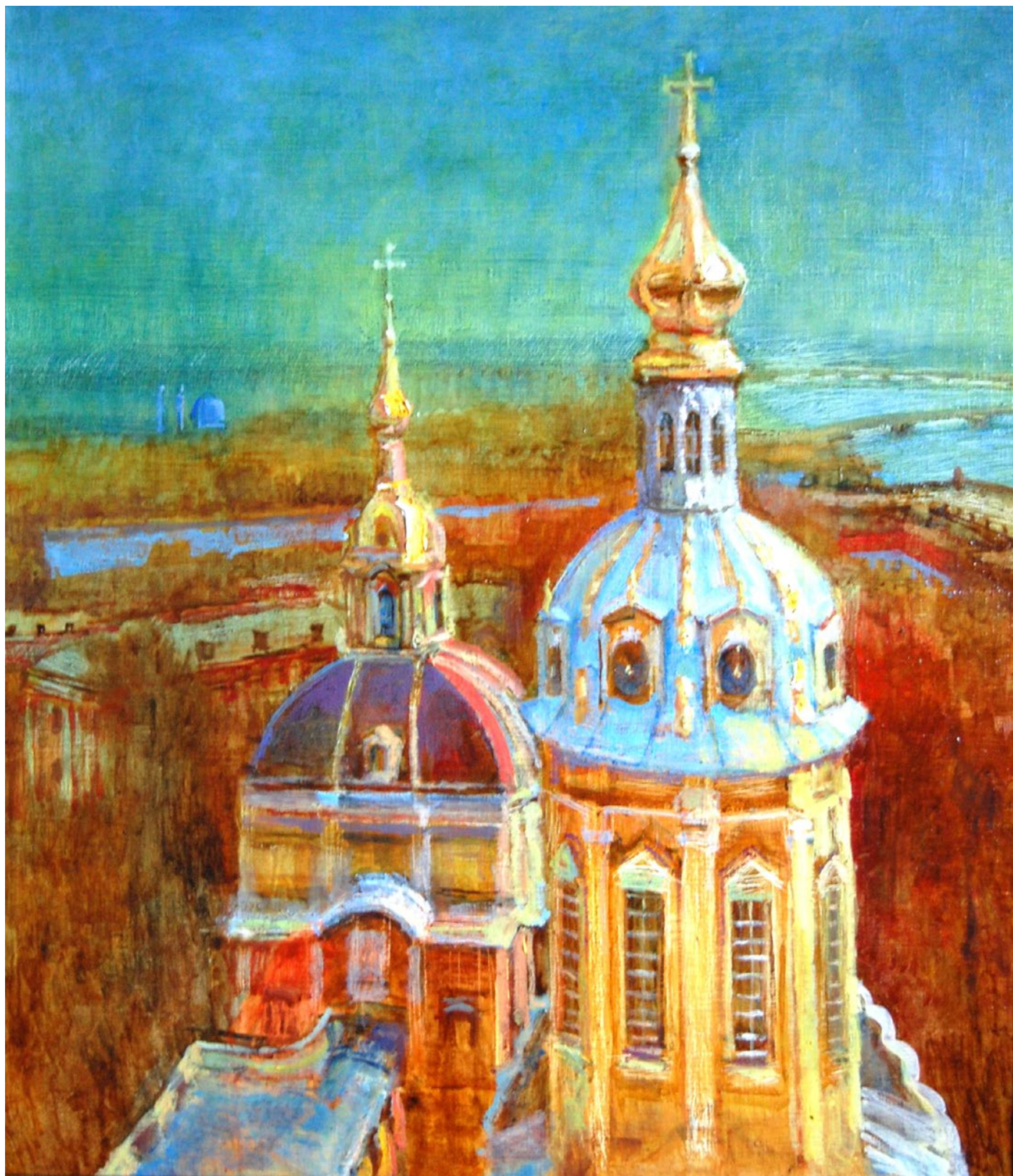
Зима с крыши мансарды. На меди
1997, медная пластина, масло, 27 x 34 см



Утро на Воздвижение. Александро-Невская Лавра
2012, холст, масло, 60 x 50 см



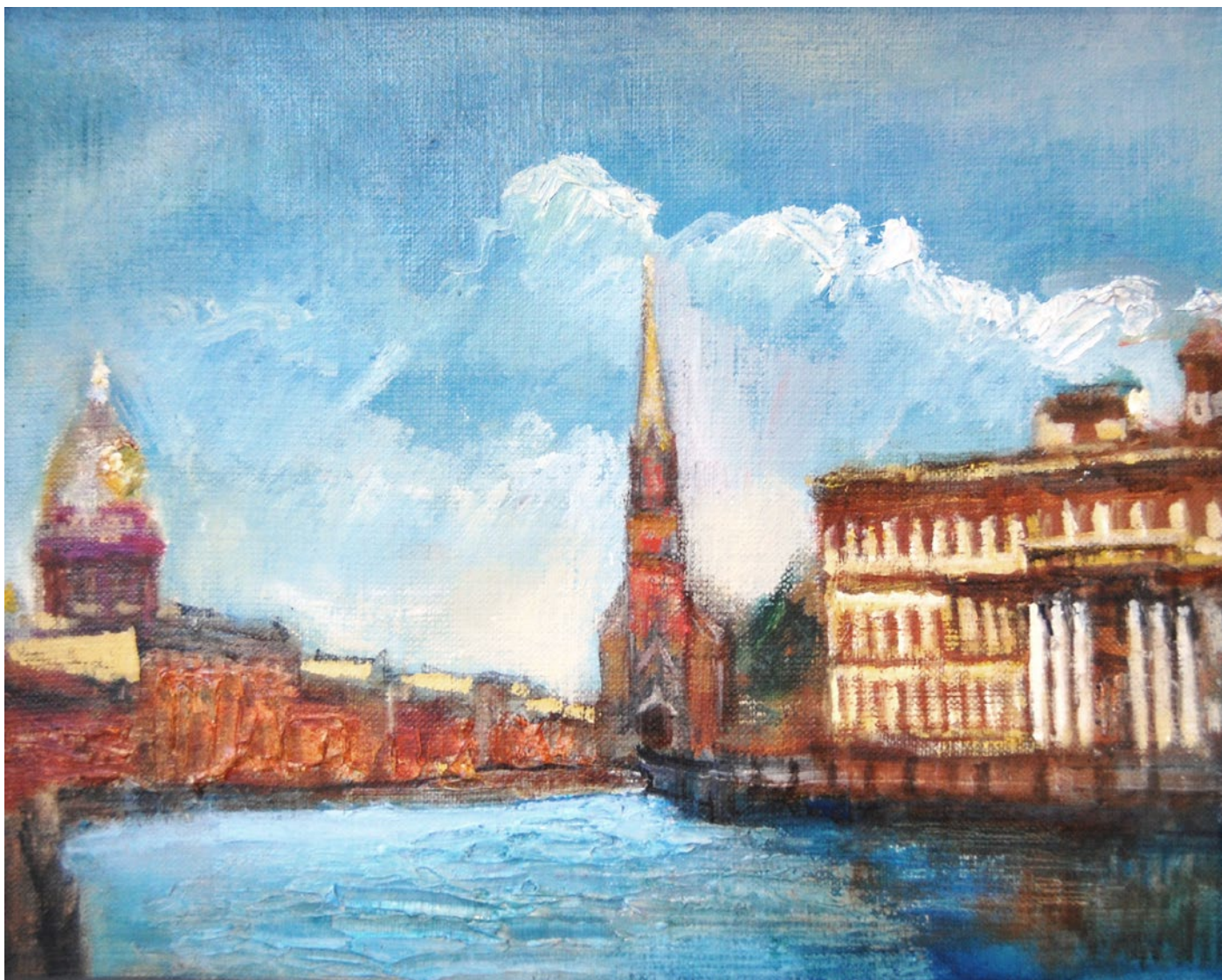
Сирень белой ночью
2018, холст, масло, 60 x 50 см



Осенняя крепость – Петербург
2014, холст, масло, 70 x 60 см



Буддийский дацан в Петербурге
1987, картон, масло, 30 x 23 см



Юсуповский дворец на Мойке
2012, холст, масло, 24 x 30 см

Вестник АИЭМ. 2025 № 19

ASEM Newsletter. 2025 № 19

Дата публикации: 31.12.2025

Возрастное ограничение: 18+

Выпускающие редакторы:

Новикова А.А. Е-яяmail: 381838@rambler.ru

Чёрная Н.В. E-mail: natatasky@yandex.ru

Компьютерная верстка:

Кукса С.С. E-mail: mindless.yuyuko@gmail.com

Новикова А.А. E-mail: 381838@rambler.ru

АИЭМ является негосударственной некоммерческой организацией,
зарегистрированной Министерством юстиции Российской Федерации,

ОГРН 1167800050406

Электронный адрес АИЭМ: aiem.asem@yandex.ru

Сайт: aiem-asem.org

Подписывайтесь на наши соц сети!

[Группа Вконтакте](#)

[Telegram-канал](#)

[Наш YouTube-канал](#)